

Сергей Платон

СУЩЕСТВО

драма в двух действиях

Действующие лица:

Хася Пинхусовна, она же Евгения Петровна.

Тетьшура.

Саня.

Александр Смирнов.

Александр Ильич Парамонов, чаще именуемый Парамошкой.

Антон.

Нина.

Славомир Борисович.

Хася Пинхусовна ходит на зонтик; такой тряпичный зонтик с деревянной ручкой, оставленный в прихожей лет сто тому назад. Душевнобольная и почти слепая старушка постоянно завывает невероятно низким голосом, неизвестно каким образом рождающемся в этом тряпично-деревянном, давно засохшем тельце. Тема завываний – какие-то «святые люди». Именно эти два слова чаще всего повторяет она на все лады.

Хлипкое сообщество молодых арбатских «коммуналов», весело населяющее семикомнатную квартиру, присвоило однажды этому Существу более понятное имя – Евгения Петровна. Каждый из них ежедневно оставляет на задрипанном хасином столике в кухне какую-нибудь еду. Этим она и питается. Из кухонного крана тонкой струйкой всегда течет вода, Существо умеет пить только оттуда, а вот открывать или закрывать воду уже не умеет. Совершенно непонятно когда же Существо спит, да и спит ли оно вообще. И днем и ночью Хася бродит в потрясающих пространствах коммунального коридора.

Вот это площади!

Если сложить все оставшиеся метры комнат, огромной кухни, вместительных кладовок и двух туалетов, едва ли наберется половина! Коридорище действительно напоминает городскую площадь. К потолочному небу тянутся фасады разнокалиберных дверей и полуразвалившихся шкафов, стройную перспективу пререзают узкие переулки и магистральные

кухонно-туалетные проспекты. Экстерьер дополняется естественными для любого города архитектурными излишествами, – вечными рядами пыльных шкафчиков, крохотных полочек, эмалированных тазов и цинковых корыт. Не обошлось и без памятников. Один из углов занимают большие напольные часы с остановившимся маятником, а в утренних потемках можно наткнуться на карликовую мраморную колонну, бамбуковую этажерку с древним телефоном, либо же споткнуться об останки большого кованого сундука.

В комнатах располагаются дома юного «беспроечного» народа, а проще говоря – временное жилье милого, совсем еще недавно провинциального, но теперь-то уже навсегда мАсковского, богемно-лоботрясного племени.

В тихой заводи у первого туалета живет лирическая пара «попугайчиков-неразлучников». Оба студенты-дворники и оба Сашки. Упрямая способность этих друзей быть постоянно вместе – и на дворницком участке, и в «киношке», и в кратком путешествии на родину, и в продолжительном турне по «ночникам» – вызывает плохо скрываемое раздражение Антона, главы вполне здоровой соседской семьи из модельного мира.

Яркая парикмахерша Нина и маленький закройщик Антон громко именуют себя стилистом и модельером. С ними живут двухлетний ребенок Ян и небольшая собачка Аня, которые на «площадь» практически не выходят. Так что большинство жильцов их никогда не видят, зато уж слышат ежедневно. Состоящий из ругани, лая, детского плача или смеха, «радиотеатр» обычно немного стихает только после внушительных ударов в антонову стену со стороны Парамошки.

Александр Ильич Парамонов, закончив журфак, уже четыре года пишет «нетленные материалы» в разнообразные печатные СМИ и столько же времени собирается издать все это добро одной книжкой. Он очень крупный, крепкий, кислоулыбающийся и живет одиноко. Видимо поэтому почти каждую ночь к нему идут вереницы звякающих бутылками приятелей. Тут-то и наступает время реванша модельеровой семьи. Создается впечатление, что даже собачка Аня и ребенок Ян на каждый шорох из парамошиной комнаты барабанили в стену своими лапками. В ответ барабанным трелям всегда раздается песня. Что-то протяжное и очень красивое. Зычный парамошин вокал обычно прерывается пронзительным визгом «Хватит!» еще одного дворника, Тетьшуры.

На самом деле, Шуре не исполнилось и тридцати, но выглядит она истинной тетей. Солнечно рыжая, круглая и здоровая как свежая морковь, Тетьшура целыми днями беззастенчиво хлебосольничает на кухне. Так что домочадцы, и уж тем более их гости, попросту не могут пройти мимо ее

извечных водочек, ликерчиков, чайков, конфеток, пряничков и яичек. Готовится она к подобным трапезам обстоятельно и громко. Студенты по десять раз бегают в магазин то за бутылочкой, то за фаршем, то за мукой или маргарином. Только вот кофе не любит, жженым сахаром называет. Одного шуриного визга хватает, и над площадью зависает сизая ночная тишина.

Две самые большие смежные комнаты принадлежат Славомиру Борисовичу. Трудно представить, чтоб этот вальяжный и франтоватый бухгалтер вдруг поселился в своих владениях. А вот бывает он в них часто. Забежит минут на десять, помолчит, поводит носом по замкам, посверлит глазами проживающих – и нет его. Все убеждены в том, что если кто здесь и прописан, так это он. Стало быть, ждет удобного момента «оттяпать» квартирку. Вот и ходит, контролирует.

Техник-смотритель жилищно-коммунальной конторы, Саша Гаврилыч, в квартире не появляется, а вот в разговорах его колоритное имя слышится часто. Это вполне естественно, именно благодаря «доброй воле», а скорей всего беззаветной любви Гаврилыча к денежным знакам, уже не первый год вся компания здесь и живет.

Соседи давно бросили напрасные попытки Евгению Петровну «разговорить», все равно ничего не понимает. К ней привыкли. Она стала таким же предметом домашнего интерьера как этажерка, колонна или сундук. Об нее уже не запинаются.

Позднее утро. Тетьшура возится с духовым шкафом. По кухне и коридору расползается легкий золотистый туман слегка пригоревшего подсолнечного масла. Тетьшура явно не принадлежит к разряду аккуратных хозяек, процесс приготовления всегда связан у нее с оглушительным громыханием кухонной утварию.

К этим звукам прислушивается Существо...

Действие первое

Тетьшура. Из кружечки надо пить, из кружечки. Понимаешь?..

Существо. Святые люди.

Тетьшура. Конечно святые, как же не святые. Полон дом святых людей! Ты бы, Хася, все-таки из кружки пила. В кране вода сырая, грязная. Слышишь меня? Хася... Хася... (Пауза.) Евгения Петровна...

Существо (протяжно). Люди... (Пауза.) Люди...

Открывается входная дверь, входит Саня, долго возится с непослушным замком, раздевается, но идет не к себе в комнату, а к этажерке с телефоном, пробует куда-то дозвониться.

Тетьшура. О... Санька приперся... Перся, перся, и приперся. (Пауза.)

Санюнька...

Саня. Чо?

Тетьшура. Чо-чо... Это тебя так в театральном твоём что ли учат?

Чо... На этой самой, как её?... На сценоречи.

Саня. На сценречи.

Тетьшура. У... Во как... А завтракать вас там учат? Носился утром, – трусы-парусы... Так ведь и не поел.

Существо. Ел...

Саня. Не парусы, а паруса.

Тетьшура. Ага, труса-паруса. Чуть Тетьшуру с ног не свалил. Кстати говоря, паруса бы твои постирать бы пора, да пуговку бы пришить в одном месте, а то все самое интересное видать...

Саня. Тетьшур!

Тетьшура. А чо Тетьшур? (Напевает.) У таракана усики, у мальчугана трусики... Вы с Александром хоть и чистенькие, а все равно замызгиваетесь. Девочек-то не завели ещё. Или завели?... Да если и заведете, толку-то. Девка – это вам не мамка. Я же вижу. Стираетесь вон раз в месяц... Обедать хоть, голодайка?

Саня. Да.

Существо. Да...

Тетьшура. Не ври тетеньке! Что ел?

Саня (ухмыляясь). Чипсы.

Существо (тревожно). Псы... Псы...

Тетьшура. Да-да-да... Это, блин, еда... Сплошной кислотно-щелочной баланс. В смысле кислота и щелочь.

Саня. Кислотно-щелочной баланс – это про жевачку.

Тетьшура. А про чипсы чо?

Саня. А про чипсы хруст.

Тетьшура. Ох, и хрустанешься ты когда-нибудь на фиг с голоду. Погляди чем хрустеть-то надо. Хаська вон уже три штуки слупила, чо думаешь, она тут трется. Унюхала. Я ей третий в руки все норовила впихнуть. Не берет. Хныкает, недотрога блин. Кстати, на Евгению-то Петровну она лучше реагирует, на Хасю совсем не отзывается.

Саня. Вот и зовите её Евгения Петровна.

Тетьшура. А я и зову. А она и приходит. А тебя вот зову, а ты не приходишь...

Саня. Да не хочу я.

Тетьшура. Санюнька (Пауза.) Да все равно ж не дозвонился, иди-к сюда...

Саня. Да не хочу я.

Тетьшура. Иди сюда, худая жизнь!

Саня (кладет трубку, подходит). Чо.

Тетьшура. Опять чо? Ешь давай, вот чо!

Саня. Да не хочу я.

Тетьшура. Это потому что отвык уже. На-ка, расстегайчика возьми. Тётка тебе фигну не подсунет, лопай давай худая жизнь!

Саня (жует). Спасибо.

Тетьшура. Рюмочку дать?

Саня (жует). Нет. У меня зачет сегодня.

Тетьшура. Ну, ну. А я ваш зачет сдала уже утром. Учитесь, блин, студенты. Участок аж блестит весь. Гаврилыч просто забалдел, давно его таким довольным не видала. Хорошо, что снега нет, завтра можем и поспать. Щас борщ буду делать, через полчаса тащи тарелку. Александр-то придет?

Саня. Спасибо.

Тетьшура. Чо спасибо?

Саня. Ну, участок...

Тетьшура. Это вы мне спасибо в зарплатку скажете. Саша Гаврилыч, между прочим, премию вам грозился выписать, так я ее заберу?

Саня. Конечно.

Тетьшура. Александр-то придет?

Саня. Вечером.

Тетьшура. Ладно. Вечером, так вечером. Вы давайте бельишко готовьте, вечером в машинку запишем.

Саня. Ладно. (Уходит).

Тетьшура (наливает рюмку, поет). Я зеленый огурчик. Не боюсь широких речек. Не боюсь высоких крыш. (Выпивает.) А боюсь я только мышь. (Уходит в свою комнату.)

Нина (кричит из-за своей двери). Слушай ты, огурчик, нельзя ли потише?

Тетьшура (кричит из-за своей двери). Чо-чо-чо?

Нина (перекрикивая возникшие тут же детский плач и собачий лай). В плечо! У меня ребенок спит. Может, хватит орать?

Тетьшура (кричит из-за своей двери). Ага, слышу я, как он у тебя спит. Сама разоралась и разбудила. Дура!

Нина (кричит из-за своей двери). Я тебе щас покажу, кто здесь дура!

Тетьшура (кричит из-за своей двери). Заткнись, идиотка!

Существо тревожно прислушивается к скандалу, озирается, пытается уйти, но очередной крик ее пугает и останавливает. Пауза.

Существо (задумчиво). Псы...

Существо стоит посреди площади. И тут пространство начинает преобразаться. Выцветшие, разорванные во многих местах обои вдруг становятся целыми и яркими, с них исчезают ржавые разводы. В прихожей, будто из-под земли, вырастает красивейшая напольная вешалка. Пропадают тазы и корыта. Белеет потолок. На стенах появляются картины и кашпо. Маятник в часах начинает раскачиваться. Возникают уютные кресла, диванчики, белые венские стулья и круглый стол. Покосившиеся шкафчики и полки выравниваются. Опускается прекрасная люстра. Все пространство как бы зарастает большим количеством цветочной зелени и становится уютным. Сквозь окна пробиваются ласковые солнечные лучи. Существо внимательно следит за этим преобразованием, улыбается, уходит в свою комнату.

Тетьшура (кричит из-за своей двери). Нет, ну а все-таки, кто здесь дура-то? (Пауза.) Я зеленый огуречик. Не боюсь широких речек. Не боюсь высоких крыш. (Выходит из своей комнаты.) А боюсь я только мышь. (Подходит к двери в комнату Нины, пинает.)

Открывается входная дверь, входит Саня, долго возится с непослушным замком, раздевается, но идет не к себе в комнату, а к этажерке с телефоном, пробует куда-то дозвониться.

Тетьшура. О... Санька приперся... Перся, перся, и приперся. А мы тут с Нинкой скандалим. (Пауза.) Санюнька...

Саня. Чо?

Тетьшура. Чо-чо... Это тебя так в театральном твоём что ли учат? Чо... На этой самой, как ее?.. На сценоречи.

Саня. На сценречи.

Тетьшура. У... Во как... А завтракать вас там учат? Носился утром, – трусы-парусы... Так ведь и не поел.

Саня. Не парусы, а паруса.

Тетьшура. Ага, труса-паруса. Чуть Тетьшуру с ног не свалил. Кстати говоря, паруса бы твои постирать бы пора, да пуговку бы пришить в одном месте, а то все самое интересное видать...

Саня. Тетьшур!

Тетьшура. А чо Тетьшур? (Напевает.) У таракана усики, у мальчугана трусики... Вы с Александром хоть и чистенькие, а все равно замызгиваетесь. Девочек-то не завели еще. Или завели?.. Да если и заведете, толку-то. Девка – это вам не мамка. Я же вижу. Стираетесь вон раз в месяц... Обедал хоть, голодайка?

Саня. Да.

Тетьшура. Не ври тетеньке!

Из комнаты Существа выходит Евгения Петровна. На ней старомодное, но очень опрятное платье и белоснежный фартук, в руках – посеребренный кофейный прибор на подносе.

Евгения Петровна. Здравствуйте, Саша.

Саня. Здравствуйте, Евгения Петровна.

Евгения Петровна. А ведь Шура права. При Ваших нагрузках Вам действительно нужно хорошо завтракать. Шура изумительные расстегаи приготовила. А поскольку кофе и расстегаи – несколько купеческое сочетание вкусов, давайте-ка, я вам с Шурой чайку заварю.

Саня. Спасибо, но я не хочу.

Тетьшура. Это потому что отвык уже. А мы тебя и спрашивать не станем. Садись и ешь, худая жизнь. На-ка, расстегайчика возьми...

Евгения Петровна. Поешьте, Саша, поешьте...

Саня (кладет трубку, садится к столу, ест). Спасибо.

Входная дверь неожиданно распахивается (оказывается, Саня так и не сумел ее закрыть) и на пороге возникает Парамошка.

Парамошка. Привет родимой коммунальной трясине и всем ее почтенным обитателям! Чаевничаете?

Евгения Петровна. Добрый день, Александр Ильич. Присоединяйтесь.

Парамошка. Ох, люблю я вас, Евгения Петровна. Только вы меня Ильичем-то и величаете. (Кланяется.) А вообще-то, люблю-то, не за это. И присоединюсь с удовольствием, только дверь вот нашу гуттаперчевую закрою. (Возится с замком.) Вот... Тем более, повод к торжественному обеду есть преизряднейший. Взяли статью, взяли! Редактор конечно фуффло, но правок наковырял минимум. И аванс выписал. А значит – публикуемся. А значит, не зря все, не зря!

Тетьшура. Поздравляем.

Парамошка. Спасибо, Шура, спасибо! Доставка свои снасти... Ой, нет... (Смеется.) Сласти, или как там, страсти-мордасти... В общем снесь давай на стол мечи. Во. (Вынимает из кармана бутылку коньяка, ставит на стол.)

Тетьшура. Ух ты...

Парамошка. А вы как думали? Праздник, так уж праздник.

Тетьшура (поет). Какой прекрасный день! Какой прекрасный пень!
Какой прекрасный я! И песенка моя! (По пути на кухню.) Так чо, нести уже?

Парамошка. Неси, Шура, неси. Да только слушай меня внимательно. Я вам щас такую рассказку расскажу, Гоголю и не снилось. (Смеется.) Только что лично пронаблюдал. Представляете, вываливаюсь из

троллейбуса, а слева – дядька. Ну, выперся уже. И что он делает? Сморгнуть собирается. Ноздрю большим пальцем зажал (показывает), воздуха побольше набрал, да как дунет. (Смеется.) И все, что выдул, у него на пальце и повисло. Он, не долго думая – вах! – это дело за спину себе широким жестом. А там полковник солидный идет, краснорожий. И ему эта сопля прям на китель – бац! Полковник, естественно, бу-бу-бу. Чо, мол, такое? Чо, мол, за фигня? Дядька, естественно, извиняться. И представляете, чо делает? Достает из кармана чистейший носовой платок! И начинает китель этот оттирать. Вот так-то, блин. Культура у нас всегда есть, всегда при себе, полные карманы, только мы ей ни фига не пользуемся! Чо бы этому идиоту в платок-то сразу? А? Обязательно напишу, обязательно. Может, даже пьесу какую сподоблю. И назову ее «Сопля», комедия в двух действиях. А?

Евгения Петровна. Действительно, смешно и очень символично.

Парамошка. Да. Я – символист. (Смеется.)

Тетьшура. Ой, ладно сочинять-то. Никто тебе спектакль «соплей» назвать не даст.

Парамошка. А я ни у кого и не спрошу. Я – автор. Буду я каждую соплю спрашивать. Я, может быть, сатирик гениальный. Назову ее «Сопля в петлице». Это очень даже на Салтыкова-Щедрина смахивает. Во. А я – великий продолжатель сатирической традиции.

Тетьшура. Болтун ты великий, Парамоша.

Парамошка (открывая бутылку). Понял, щас налью.

Тетьшура (вынося из кухни рюмки). Да я не в этом смысле.

Парамошка. Долой все смыслы! Великий драматург современности и классик живой Александр Ильич Парамонов гулять изволят! (Все смеются.) Давай-ка Саня, подставляй бокал!

Тетьшура (вынося из кухни закуски и тарелки). Нельзя ему сегодня. Учится.

Саня. Зачет у меня.

Парамошка. Понимаю. Настаивать не стану. Тебе еще в пьесах моих играть, а там мастерство понадобится... Евгения Петровна?

Евгения Петровна. Да что вы?

Парамошка. Ладно. Понимаю. Настаивать не стану, а предложить даме коньяку как воспитанный человек был обязан. Мы же все культурные люди. А, Шур? Давай-ка за культуру и за нас. Хорошие мы все-таки, добрые. Правда? (Тетьшура и Парамошка выпивают.) Вот и аминь. Люблю я вас, добрые мои соседи! Слышите? Люблю!!!

Нина (выглядывая из-за своей двери). Можно потише?

Парамошка. Можно.

Нина скрывается за дверью.

И тебя люблю!

Открывается входная дверь. На пороге останавливается Александр. Саня вскакивает и замирает. Александр долго смотрит на Саню.

Тетьшура. Чо это?

Александр делает несколько резких шагов в сторону стола, разворачивается, идет назад, с грохотом выволакивает из шкафа скребок, метлу и лопату.

Тетьшура. Да убирала я сегодня, Саша. Ты чо?

Александр упрямо продолжает собирать дворницкий инвентарь, закрывает шкаф и почти бегом скрывается за входной дверью.

Тетьшура. Во дурак. Чо это он?

Саня садится обратно к столу. По его лицу текут слезы.

Парамошка. Так. Понятно... (Пауза.) Подразосрались однокашники. Сань, чо случилось-то?

Саня молчит. По его лицу текут слезы.

Так... (Пауза.) Шура, давай-ка, догоним этого дурака. С метлой-то он далеко не уйдет. А с Санькой Евгения Петровна побудет. Ладно?

Евгения Петровна. Конечно, конечно...

Тетьшура (обуваясь). Во дураки. Чего творим? Зачем творим? Эх, парни, парни... Мирно-то нам не живется? Все воевать хочется?

Парамошка (укладывая бутылку в карман). Пойдем.

Тетьшура и Парамошка выходят. В паузе слышен звук запираемой двери и их голоса на лестничной площадке.

Саня. Действительно, дурак. Только не он, а я. (Пауза.)

Евгения Петровна. Случилось что-то плохое?

Саня. И да, и нет. Просто я опять ночевал в общежитии, а он этого не любит. Да и я тоже не люблю. Но только потом, утром. А вечером вру ему чего-нибудь и бреду туда как дурак. Тянет меня туда как-то. Там весело, шумно... А утром противно... Особенно стыдно перед ним. Он же брат. Как бы сводный, но брат же. Ведь это он меня «поступил», комнату эту нашел, придумал как платить, ко всем экзаменам готовит... А у меня самого ничего нормально не получается. И никогда в жизни ничего не получалось. Мне страшно жить, потому что я всех боюсь и себя боюсь. Евгения Петровна, я – инфантильный идиот.

Евгения Петровна. Не нужно так, Саша...

Саня. Да, да, да... Я один раз в первом классе ушел из школы домой один. Понимаете? Медленно топал себе по упругой весенней

тропинке мимо свежего деревянного забора и радовался. Наверное, только тогда и был счастлив.

А за этим забором непонятные мне большие люди рыли огромную глубокую яму. Сейчас-то я понимаю – какой-то котлован для какой-то стройки. Невидимые фантастические дядьки шумели и копошились где-то на дне. Я был в полнейшем восторге от этих удивительных впечатлений. Из ямы слышался машинный гул и поднимался теплый запах бензина и земли. Класс...

На каждый шаг мягким стуком отзывались мои любимые цветные карандаши в жестяном пенале, а пальцы правой ладони приятно немели от прикосновений к горячим заборными досками. Я немного побаивался возможных противных заноз, но это было так здорово. Я почти ни о чем не думал. Я как бы погрузился в какое-то спокойное ликование от того, как легко барабанят по забору пальцы и резиново пружинит смешная дорожка. Ну, знаете, это когда утоптанная земляная тропинка становится как бы резиновой, потому что еще не просохла. Весна же...

Евгения Петровна. Знаю.

Саня. Я тогда впервые попробовал посмотреть на солнце. Оказывается, его невозможно увидеть. Солнышко, оказывается, щиплет. Приходится крепко зажмуриваться и трясти головой. Оно ведь совсем не походит на эти свои дурацкие портреты из книжек. Хоть бы увидеть его разочек. (Пауза.)

Знаете, о чем я думал? Хоть бы вырасти скорей и безо всяких там разрешений одному кататься на звонком трамвае, разглядывая разных занятных людей с их машинами и домами. Я ведь люблю кататься так до сих пор. (Пауза.)

Хоть бы не ходить больше в эту темную школу с вечно хмурыми страшными учителями. Хоть бы понять, наконец, чего же хотят от меня все эти невыспавшиеся взрослые. И сделать им это. И дожидаться от них светлых улыбок. Хоть бы войти в нашу белую квартирку, а там уже – мама. Хоть бы она обрадовалась тому, что я впервые сам прошел давно знакомый путь из школы. Хоть бы подольше не заканчивался этот милый путь. Хоть бы вон за тем углом оказался бы точно такой же забор, разогретый таким же непохожим на книжное, солнцем во все небо. (Пауза.) Хоть бы... (Пауза.)

Евгения Петровна. И что вам сказала мама?

Саня. Ничего. Она плакала. И я понял, что сделал что-то не правильное...

Евгения Петровна. Саша, а ведь это ваша первая молитва.

Саня. Разве?

Евгения Петровна. Да, да. Вот это самое «хоть бы» – простая просьба света и добра. Просто, вы еще очень юный и наивный человек. В этом нет ничего дурного. Бывает еще род наивности, которую именуют простотой, но это вовсе не о вас. Та простота умеет быть глупой и злой, а вот страдать не умеет; она часто думает, что счастлива и благополучна. Я знаю, что мои наивные премудрости ничем вам не помогут, но поверьте, вы, как и многие хорошие люди, юность свою выстрадаете и станете вспоминать о ней как о прекрасном и светлом времени. А может, и пьесы хорошие станете писать. Мне почему-то кажется, что у вас они должны получиться лучше, чем у Александра Ильича. Вы добры и страдаете. Так уж в этом мире заведено, чем тоньше натура, тем больше ей достается переживаний. Особенно в юности. Как вам кажется, я права?..

Саня (вздыхает). Ой... Конечно же правы... (Пауза.) А у вас была первая молитва?

Евгения Петровна. Да.

Саня. Расскажите...

Евгения Петровна. Я была несколько моложе вас, но не намного. Родители отвезли меня на лето в Ярославль. Удивительно уютный город. Время там плавное, размеренное. Не знаю, как он нынче выглядит, но тогда все его улицы, тротуары и площади были выложены аккуратной брусчаткой. И весь он состоял из неимоверно красивых старинных особнячков, а рядом с каждым – сад. Ощущение чего-то ясного, спокойного и чудесного, какого-то прошлого века (или прошлых веков?) я запомнила навсегда. Человек время от времени вдруг остро чувствует времена юности своих родителей. А родители у меня ярославские. Мы очень любили гулять по высокой, длинной-предлинной набережной, украшенной чугунными периллами. (Задумывается.) Только сейчас припомнила, как приятно было барабанить пальцами по теплым чугунным завиткам. Волга потрясала простором, а набережная – невообразимым количеством вороних стай. Как же мне нравились эти черные птицы. Как же я радовалась, когда огромная стая вдруг срывалась с огромных деревьев и, каркая, летела на левый берег Волги. Я ведь тогда еще не знала, как у людей принято к ним относиться. (Смеется.) А внизу на баржах шумели и копошились какие-то непонятные мне дядьки.

Саня (улыбается). Похоже...

Евгения Петровна. Похоже. Но это я увлеклась «мемуарами», а рассказать хотела немного о другом. Мы жили в очень красивом

кирпичном особняке с деревянным мезонином, который выходил на Красную площадь. Да, Саша, в Ярославле тоже есть Красная площадь. В мезонине меня и поселили. (Пауза.)

Тем утром я проснулась от необычного звука. В моей небольшой коллекции звуков жизни такого еще не было. Я выбралась из постели, вскарабкалась на подоконник и увидела потрясающую картину. С площади уже заканчивал стекать рассветный розовый туман, а по нему медленно двигались всадники. Это копыта их лошадей издавали тот глухой и в то же время глубокий, дивный звук. Тук-тук, тук. Тук-тук, тук. Я просто обомлела. Мне они показались чудесными витязями в светлых доспехах. Как же стало приятно, ясно и не страшно жить, когда один из них помахал мне рукой. Они уже давно исчезли, а звук все продолжался. И тут я поняла, что он идет из меня. Вот отсюда, слева. Тук-тук, тук. Тук-тук, тук. Я осознала, что он теперь со мной навсегда и всегда будет не страшно... Потом был рассвет и большое розовое солнце; половинка тумана утекла в Волгу, а вторая поднялась в облака...

Саня. И что ж это были за всадники?

Евгения Петровна. Все очень просто, Саша. Это была конная милиция в белой парадной форме.

Саня. А почему же звук тогда такой?

Евгения Петровна. В те времена было принято шить лошадям специальные валенки. (Смеется). Да, да, именно валенки из войлока, чтобы подковы не стучали о мостовую и не будили горожан.

Саня. Потрясающе.

Евгения Петровна. Да. Меня это действительно потрясло. Все лето я встречала каждый рассвет на подоконнике. Всадников больше не видела, но знала, что они есть. Мне было очень хорошо, и я благодарила кого-то. Не словами, а всей собой. Понимаете?

Саня. Да.

Евгения Петровна. Вот видите, у вас было солнышко, а у меня светлый солнечный туман. Как же я радовалась, когда в Москве опять увидела его. А в последние годы не вижу. Знаю, что он есть, но видимо не в Москве. Уж больно много шума и машин.

Саня. Евгения Петровна, а если бы я...

Из-за входной двери слышится грохот упавшего дворницкого инвентаря, дверь открывается, входит Тетьшура.

Тетьшура (поет). Мы поссоримся и помиримся. Не разлить водой, шутят все вокруг. Друг в беде не бросит, лишнего не спросит. Вот что значит настоящий, верный друг! Друг в беде не бросит, лишнего не

спросит. Вот что значит настоящий, верный друг! (Саня.) Чо сидишь? Помогай, давай!

Саня помогает Тетьшуре уместить инвентарь в шкаф.

Ля-ля-ля-ля-ля. Ля-ля. Догнали! Ждет тебя перед зачетом в курилке на втором этаже! Миритесь, давайте, обалдуи!

Саня. А сколько сейчас времени?

Тетьшура (показывая на часы). Обратите внимание.

Саня бежит в свою комнату, тут же выскакивает и скрывается в туалете.

Ух, ух, ух... Понесся! Хорошо хоть штаны нарядил. Сидите, Евгения Петровна, сидите. Щас ему на пути лучше не попадаться. Сначала все коленки обобьет, потом этажерку свалит, а потом уже сядет и подумает.

Из своей комнаты выходит Нина, на ней великолепное платье, грандиозный макияж и сногшибательная прическа.

Нина, стой!!!

Из туалета в комнату «пролетает» Саня. Запинается о колонну, падает, поднимается, бежит дальше.

Что я вам говорила? Спасайся кто может! Нин, посиди хоть с нами пока этот веник не улетит. Чай будешь? Расстегайки не предлагаю, помню.

Нина возвращается в комнату.

За своим пошла...

Нина выходит с кружкой чая, садится к столу, закуривает. Из комнаты выбегает переодевшийся Саня, обувается, хватает куртку и скрывается за входной дверью.

Пожар в публичном доме во время наводнения!

Евгения Петровна. Шура!

Тетьшура. Извините-простите! А чо тут еще скажешь? Смешнющий он все-таки...

Нина. Евгения Петровна, когда Антоша придет, скажите ему, что в пять примерка.

Евгения Петровна. Хорошо.

Тетьшура. Твой-то заснул?

Нина. Заснул.

Тетьшура. А чо ты Антону не позвонишь? У вас же вон мобильники модные-перемодные.

Нина. Я уже звонила. Это так, чтоб не забыл.

Нина относит кружку в комнату, запирает дверь, молча выходит из квартиры.

Тетьшура. Вот и все. Ни здрасьте, ни насрать...

Евгения Петровна. Шура!

Тетьшура. А чо Шура? Я, конечно, прошу прощения, но хоть бы попрощалась, что ли...

Евгения Петровна. А где Александр Ильич?

Тетьшура. Да он в Сивцевом этих своих опять встретил. Так что готовьтесь, ночью запоет.

Евгения Петровна. Александр успокоился?

Тетьшура. Не сразу. Что-то этот мелкий опять несусветное натворил. Странные они у нас. Наверное, все артисты такие. Сашку аж колошматило всего. А чо с молодюськи-то взять? Большие детки – большие бедки. Этот прям как папаша к нему. Переживает. Все боится, испортят же ребеночка. А жеребеночек, похоже, сам уже кого хочешь испортит. Вон, каким хозяйством носится-трясет.

Евгения Петровна. Шура!

Тетьшура. А чо Шура-то? Вырос мальчишечка, вырос! Завтра может себе жену молодую уже найдет. Хорошо еще если она немножечко поумней его будет. А то раскопает какую-нибудь оторву себе под стать. И будет наш Александр уже с двумя деточками нянькаться. А, скорее всего – сразу с тремя. Дело-то не хитрое. Трах, бах, – родильный дом!

Евгения Петровна. Вы уж простите меня, Шура, но прогнозы Ваши представляются мне несколько вульгарными что ли. Все ведь не так просто...

Тетьшура. Это не я такая вульгарная, а жизнь у нас такая вульгарная. Я ж прекрасно понимаю, что это за «братья». Я же вижу! Это может быть младшенький дурак еще не дотумкал, а я все поняла. Да и дай им Бог здоровьица. Лишь бы не собачились.

Евгения Петровна. Чаще всего мы видим только то, что умеем увидеть. Вы чрезвычайно добрый человек и меня почти всегда радует Ваш взгляд на окружающих. Но не всегда...

Тетьшура. В таком случае, пойду-ка загляну на кухню. Там тоже есть чего поразглядывать. Обедать нам давно пора, а борщ никто и не сварил. Чайку вам подогреть пока?

Евгения Петровна. Спасибо, Шура.

Тетьшура. Спасибо, Шура, чай давай, или спасибо, Шура, не надо?

Евгения Петровна. Спасибо, Шура, я попью кофе.

Тетьшура. Сколько можно себя травить этим «жженым сахаром»? Да он и остыл уже. Что Вы в нем находите? Ни витаминов, ни пользы никакой. А я вот в чай лимончика, травочки! Давайте?

Евгения Петровна. Давайте!

Тетьшура. Вот это я понимаю. Вот это разговор! (Поет.) Эх, травушка-муравушка зелененькая! (Кричит с кухни.) Евгения Петровна, давайте, что ли подумаем, как Новый год отмечать. Эти-то разъедутся опять поди. А нам уже не вдвоем куковать. Сашок мой в этот раз, похоже, все-таки придет, обещался. И Парамоша вроде тоже остается. (Приносит чай.) Вот бы еще кто из наших остался. Я бы такой стол наготовила! Посидели бы, поели бы всякой вкуснятки, попели бы досыта... (Поет.) Мы Снегурочку найдем в царстве тридесютом, пусть приходит в каждый дом Новый год к ребятам. Пусть дорога тяжела, знаем без подсказки, что добро сильнее зла, наяву и в сказке!

Евгения Петровна. Да. Хорошо бы.

Тетьшура. Ну, а если не на Новый год, так хотя бы на Рождество или там, на старый Новый год. А то мы все как-то по отдельности видимся. Сели бы вместе за стол, выпили бы чуток, поболтали бы. Давайте всех подговорим, праздник же.

Евгения Петровна. Давайте.

Тетьшура. Ну все, пошла к борщу. (Поет.) Я зеленый огуречик. Не боюсь широких речек. Не боюсь высоких крыш. А боюсь я только мышшь.

По дороге на кухню Тетьшура вынимает из кармана своего пальто бутылку с остатками коньяка, улыбается, уходит. Евгения Петровна оглядывает пространство коридора, с которым начинает происходить обратная метаморфоза. Маятник на часах останавливается, исчезает зелень, опять перекашиваются полочки, проявляются ржавые разводы на обоях. Евгения Петровна поднимается, собирает на поднос кофейный прибор, еще раз оглядывает меняющееся пространство, уходит в свою комнату. Вслед за ней исчезают вешалка, кашпо, люстра, кресла, диванчики, стулья и стол. В коридор возвращаются унылость, неухоженность и многолетняя «замызганность». Только вот солнечные лучи не пропадают.

Из своей комнаты выходит Парамошка, садится на сундук, закуривает. С кухни слышится, как Тетьшура громыкает кастрюлями. (Пауза.)

Тетьшура. (Поет). А боюсь я только мышшь. (Пробует попасть в нужную тональность.) А боюсь я только мышшь. А боюсь я только мышшь. А боюсь я только мышшь.

Нина (выглядывая из-за своей двери). Слушай ты, огуречик, нельзя ли потише?

Тетьшура (выглядывая с кухни). Чо-чо-чо?

Нина (перекрикивая возникшие тут же детский плач и собачий лай). В плечо! У меня ребенок спит. Может, хватит орать?

Тетьшура. Ага, слышу я, как он у тебя спит. Сама разоралась и разбудила. Дура!

Нина. Я тебе щас покажу, кто здесь дура!

Тетьшура. Заткнись, идиотка!

Из комнаты Евгении Петровны появляется Существо, прислушивается.

Существо. Святые люди.

Тетьшура (выйдя с кухни). Нет, ну а все-таки, кто здесь дура-то? (Пауза.) Я зеленый огуречик. Не боюсь широких речек. Не боюсь высоких крыш. (Нина скрывается за дверью.) А боюсь я только мышь. (Подходит к двери в комнату Нины, пинает.)

Существо. Святые люди.

Тетьшура. Конечно святые, как же не святые. Полон дом святых людей! Эта вот особенно светится. (Замечает Парамошку.) О, привет! А мы тут с Нинкой ругаемся.

Парамошка. Да я уж вижу. Привет.

Тетьшура. А ты чо это дома то?

Парамошка. И где же я должен быть?

Тетьшура. А кто вчера всю ночь про статью орал? Я думала, ты уж давно в редакцию понесся. Чо передумал что ли, гений современностный?

Парамошка. Шура, родная, лучше говорить, – гений современности. А впрочем, как хочешь, так и говори. Не понес я статью, передумал. Это ж «нетленка», она может и подождать своего часа. (Пауза.)

Или века... Нынче она никому не нужна. Тем более такому фуфловому изданию. Она в моей книжке хорошей главой может стать, а эти ее искромсают. Статья, она же как ребеночек. Представь, вырастила ты дочку-красавицу, а тебе говорят: «давайте ей ручки оторвем и в жопку вставим, чтоб покрасивше было». Ты бы их редактора видела. В человеке все должно быть прекрасно, а в этом – все ужасно. Одежда безвкусная, глазки мутные, косые, морда шельмоватая, руки ниже колен, манерки вежливо-хамские, из носа волосы растут, изо рта луком несет, и словечки оттуда выскальзывают всяческие заумные. В последнее время у нас образовался целый выводок подобных деятелей. Я всю эту породу называю быдловатой интеллигенцией. Такая вот brutальная ментальность получается. А какая помойка у него в душе располагается, можешь представить?

Тетьшура. Вот это портрет.

Парамошка. Да. Я – портретист. Живописец реальности. Меня всякие редакционные уроды плакаты да вывески рисовать заставляют, а я им шедевральные полотна ношу. Надоело. Бросить бы всякую заказную ерунду, да за книжку бы уже сесть.

Существо. Есть...

Тетьшура. А где же деньги брать будешь?

Парамошка. Да хотя бы на участок ходить стану. Помашу метелкой с утра – весь день свободен. Попашем – попишем стихи.

Существо. Хи...

Тетьшура. Вот именно – хи-хи. Видела я, как ты машешь. Саша Гаврилыч сначала разорется, а потом из квартиры выгонять начнет. Давай-ка, уж я буду махать, а ты будешь сочинять. У меня спокойно три участка прибирать получается. Тебе и зарплатка-то эта никуда не уперлась. Каждый должен делать то, что у него хорошо выходит. А статейки у тебя интересные, так что не бубни, убиральщик великий, пиши себе.

Парамошка. Да в том-то и дело, что статейки, а не статьи. Знаешь, Шура, иногда дико хочется стать простым заводчанином. Слесарем, токарем, револьверщиком или многостаночником каким-нибудь четвертого разряда. Ясного, простого дела хочется. Вот эта порода мне симпатична. Все у них точно и прямо. Пришел, болванок наточил и до понедельника совершенно свободен. Заводчане – простой и конкретный народ. А все потому, что дело у них простое и конкретное. Никаких тебе интриг, мерзостей, концептуальных разногласий. Идиотов и сволоты среди них гораздо меньше.

Тетьшура. Вот уж не скажи. У меня вот мама на одном заводе сорок четыре года отработала. Пришла в войну девчушкой пятнадцатилетней, а на пенсию выходила начальником большого отдела. Всю жизнь там провела, на экономиста выучилась, меня в одиночку волокла, ветераном труда стала. Сорок четыре года! Когда к похоронам готовилась, все говорила: «на заводе помогут, на заводе помогут». Помогли. Я у них три копейки на гроб да крематорий просила, а они паршивую копеечку отслюнили, а подписаться заставили за три рубля. Ясно дело, все остальное по карманам рассовали. Очень ясное дело у них получилось. Я-то соображала туго, надо было с директором поговорить или поскандалить разок-другой, или маминым сослуживицам накапать. А я все с бухгалтершей и теткой из профкома разговаривала, плакала-просила. Хорошо что Гаврилыч помог, да еще и половину простил потом. Так что на наши с

мамой похоронные денежки детки бухгалтерские и профкомовские выкормились. Новое поколение заводчан.

Парамошка. Бухгалтерия и профком – это контора. А люди конторы, вообще отдельная национальность. Хоть на заводе, хоть в префектуре, хоть в редакции.

Тетьшура. Это правда. Они у мамы из ветеранских там, из праздничных, из других всяких разных пособий всю дорогу подтягивали. Особенно профкомовка. Я уж не вмешивалась. Для мамы каждый поход на завод как праздник был. Там ведь подружки-сослуживицы и новости какие-никакие. Настоящие друзья к тому времени все уж поумирали. Мама ведь знала, что у нее денежку прут, но особенно не возмущалась, боялась, что вообще не позовут или открытки слать перестанут. А эти – рады стараться.

Парамошка. Да уж, украсть у старухи хлеба кусок – грех большой, а вот денег ей на него не подать, вроде как и нормально. Они ведь и не задумываются о том, что безобразничают, они так живут. Как ты там говоришь, «подтянут» у одного, другого, пятого, десятого – вот и достаток в семье.

Слушай, а может быть у этих твоих двух мерзавок дети вдруг прекрасные вырастут и сделают миру что-нибудь очень хорошее. Вот и получится, что благодаря твоей маме, да и тебе, на свете неожиданно появится еще один приличный человек.

Тетьшура. А чо это он за мой счет появляться-то будет?

Парамошка. Шура, милая, а за чей же еще? Все благополучные, злые, цепкие, сытые и сильные держатся в этом мире только за счет слабых, голодных и добрых. Слабых, видишь ли, больше...

Тетьшура. Во блин!

Существо. Блин...

Парамошка. Да, блин. Между прочим, еще не известно как этих теток конторских детки хоронить будут. Я ведь про приличного человека предположил только. Это ведь редкость большая. Обычно у таких только такие же и получают. Подонки рождает подончиков, идиот – идиотиков, негодяй – негодяйчиков, скотина – скотинчиков, а мерзавец – мерзавчиков.

Тетьшура (улыбаясь). Мерзавчик бы сейчас не помешал...

Парамошка. Вот... Стало быть, нахлебаются они еще в старости.

Тетьшура. Это как так?

Парамошка. Да просто даже очень приличные люди часто оставляют родителей. Казнятся, переживают, молятся, но оставляют. А эти пакостники и не посморкаются. Лет через десять какая-нибудь чужая

ей молодая, резвая профкомовка на ветеранские деньги этой твоей старой профкомовки будет выкармливать своих жирных детей, потенциальных профкомовцев. (Пауза.)

Но это все конторские мерзости, а у станков на заводе все-таки нормальные мужики работают. Точные люди, которые просто делают хорошее дело и никаких тебе контор.

Тетьшура. Ой, да брось ты, в цехе этих тоже хватает. Что ты думаешь, рабочий только с болванками дело имеет. А нормировщики, а мастера, а бригадиры?

Парамошка. «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»...

Тетьшура. И ты вот так вот всех-всех-всех презираешь?

Парамошка. Это не я...

Тетьшура. А кто?

Парамошка. Пушкин.

Тетьшура. Кто, кто?

Парамошка. Это, Шура, Пушкин презирает, Александр Сергеевич. В самой первой главе «Евгения Онегина»...

Тетьшура. Во блин!

Парамошка (усмехаясь). Так что, не ходить мне на завод?

Тетьшура. Не ходи. Ничего путного у тебя там не получится, никакое это не дело.

Существо. Дело...

Парамошка. Так что, в редакцию?

Тетьшура. Иди уже, многостаночник...

Парамошка. Ладно, вот еще немного покурю да пойду.

Из комнаты выглядывает Саня.

Тетьшура. Санюнька, ты чо?

Саня. Да нет, ничего... (Скрывается за дверь.)

Существо. Ничего...

Тетьшура. Расстегайчики будешь?

Парамошка. Спасибо.

Тетьшура. Спасибо, Шура, расстегайчики давай или спасибо, Шура, не надо?

Парамошка. Спасибо, Шура, расстегайчики давай!

Тетьшура. Рюмочку будешь?

Парамошка. Буду.

Тетьшура. Вот и молодец! Вот это я понимаю. Вот это разговор! (Поет.) Чирик-чик-чик, чирик-чик-чик, всем нужны друзья! Чирик-чик-чик, чирик-чик-чик, даже воробьям! (Уходит на кухню, кричит

оттуда.) Парамоша, давай, что ли подумаем, как Новый год отмечать. Эти-то разъедутся опять поди. А мне уже не одной куковать. Сашок мой в этот раз, похоже, все-таки придет, обещался. И ты вроде тоже остаешься. (Приносит полные рюмки и тарелки с расстегаями.) Вот бы еще кто из наших остался. Я бы такой стол наготовила! Посидели бы, поели бы всякой вкуснятки, попели бы досыта... (Поет.) Мы Снегурочку найдем в царстве тридесятном, пусть приходит в каждый дом Новый год к ребятам. Пусть дорога тяжела, знаем без подсказки, что добро сильнее зла, наяву и в сказке!

Парамошка. Да. Хорошо бы. Лично я – за! С Сашком твоим хоть познакомимся, а то ты о нем только рассказываешь...

Тетьшура. Ну, а если не на Новый год, так хотя бы на Рождество или там, на старый Новый год. А то мы все как-то по отдельности видимся. Сели бы вместе за стол, выпили бы чуток, поболтали бы. Давай всех подговорим, праздник же. Ну, давай! (Выпивают.)

Из своей комнаты выходит Нина, на ней великолепное платье, грандиозный макияж и сногшибательная прическа. Садится рядом с Парамошкой, закуривает.

Тетьшура. О, привет. Рюмочку будешь?

Нина. Спасибо.

Тетьшура. Спасибо, Шура, рюмочку тащи или спасибо, Шура, не надо?

Нина. Не надо.

Тетьшура (идет на кухню, поет). Выглянуло солнышко, пляшет на лугу. Я на встречу солнышку по траве бегу. И ромашки спелые рву я на лету. (Приносит водку, наполняет рюмки.) Я веночек сделаю, солнышко вплету!

Нина. Александр Ильич, Вы еще час дома будете?

Парамошка. Да.

Нина. Когда Антоша придет, скажите ему, что в пять примерка.

Парамошка. Хорошо.

Тетьшура. Твой-то заснул?

Нина. Заснул.

Тетьшура. А чо ты Антону не позвонишь? У вас же вон мобильники модные-перемодные.

Нина. Я уже звонила. Это так, чтоб не забыл.

Нина гасит сигарету, запирает дверь в свою комнату, молча выходит из квартиры.

Тетьшура. Вот и все. Ни здрасьте, ни насрать. Паскудная она девка все-таки. Хоть бы попрощалась, что ли...

Слышится звук отпираемой входной двери.

Опять забыла чего-нибудь...

Открывается входная дверь, входит Александр, долго возится с непослушным замком, раздевается, но идет не к себе в комнату, а к этажерке с телефоном, пробует куда-то дозвониться.

О, Александр приперся! Перся, перся и приперся! Привет!

Александр. Здравствуйте.

Парамошка. Здравствуй, здравствуй, артист. Как там наши творческие успехи?

Александр. Нормально.

Тетьшура. Расстегайчики будешь?

Александр. Спасибо.

Тетьшура. Спасибо, Тетьшура, расстегайчики давай или спасибо, Тетьшура, не надо?

Из комнаты выходит Саня, останавливается на пороге. Александр кладет трубку, некоторое время смотрит на Саню, подходит, ударят Саню по лицу. Саня скрывается в комнате, Александр садится рядом с Парамошкой.

Парамошка. Так, пацаны, только без драки! Что опять не поделили?

Тетьшура. Во дураки. Чего творим? Зачем творим? Эх, парни, парни... Мирно-то нам не живется? Все воевать хочется?

Из комнаты появляется заплаканный Саня, в руках у него сумка, несколько пакетов с вещами, большой настенный календарь и магнитола. Выходит из квартиры.

Парамошка. Так. Понятно... (Пауза.) Подразосрались однокашники. Что случилось-то?

Александр молча курит.

Понятно... Давай-ка, Шура, еще по одной.

Тетьшура. Но только по одной. Тебе еще в редакцию сегодня.

Парамошка. А тогда и не надо. Я же совсем позабыл, что опять передумал. Пойду собираться... пресмыкаться, прогибаться, прислуживаться...

Тетьшура. Так я налила уже.

Парамошка. А ты вон Сашу угости. (Уходит в комнату.)

Тетьшура. Будешь?

Александр. Да. (Выпивает.)

Тетьшура. Чо случилось-то?

Александр. Да этот урод сказал, что домой поехал, а сам два дня в общаге висел. Теперь уже точно переедет туда навсегда. Я ему говорил. Хочет оттягиваться на тусовках, а не жить нормально, – да

пусть хоть облопаится этим делом, я уже в нем не участвую. В смысле, в деле. Ну, в смысле, во всей этой дряни.

Тетьшура. А что за дрянь-то?

Александр. Вы уж простите меня Тетьшура, но я не хочу об этом рассказывать. Можете мне поверить, там – дрянь. Я ему обещал, что если опять такое повторится, жить будет там. Так что нашу ругань Вы больше уже никогда не услышите.

Тетьшура. Тогда за мир во всем мире! (Выпивает.) Правда, жалко его, молодюська ведь еще совсем. Может, его просто наказать как-нибудь, а не выгонять?

Александр. Возраст тут не при чем. Помните, я в прошлом году на этом сундуке ночевал, когда с каникул приехал? Вы меня еще белье постелить и раздеться заставляли...

Тетьшура. Прекрасно помню.

Александр. Ему спасибо. Я ведь тогда не вечером приехал, а с утра.

Тетьшура. И где весь день шарашился?

Александр. Вот именно, шарашился весь день... Гулял по городу, а Санька от меня в общаге прятался. Даже и не вспомнил, что все ключи у него.

Тетьшура. Ну что ж, бывает. Молодой, глупый...

Александр. Возраст тут не при чем. Он обыкновенный молодой подлец. У него тогда родители чуть с ума не сошли. А мальчик, оказывается, на три дня раньше уехал, чтоб в общаге побалдеть и ничего никому не сказал. Я догадывался. Переживал, конечно, но больше злился. Правильно он прятался, врезал бы я ему, если б нашел.

Тетьшура. А вот без драки можно было обойтись?

Александр. Я и обошелся. Но если бы не увидел на Манежной апельсиновых строителей, голова бы, наверное, точно треснула.

Тетьшура. Каких таких апельсиновых строителей?

Александр. Я об этом даже целый рассказ написал, «Апельсиновые строители» называется. Могу прочитать, если хотите. В нем все так, как и было...

Тетьшура. Давай, прочитай, только я по бырому тут все приберу, а то какая-то закусовая у нас получилась. А потом ты почитаешь, интересно же.

Александр идет в комнату, Тетьшура собирает тарелки, смотрит на бутылку и рюмки, но на кухню относит только посуду. Из комнаты возвращается Александр с несколькими листами бумаги.

Тетьшура. Саш, а может нам яичек сварить? У меня из закуски только прянички и конфетки...

Александр. Да нет, пожалуй, не стоит.

Тетьшура (возвращаясь с кухни). Не стоит, так не стоит. Нам и конфеток хватит, худеть давно пора. Ты меня не слушай, это я про себя. Так чо за строители-то?

Александр. Сейчас все поймете. (Читает.) Александр Смирнов. «Апельсиновые строители».

На Манежной знойно и тесно. Половина площади отгородилась от людей ярко-желтыми строительными лентами. Жарко.

Рабочие кладут плитку и ставят фонари. Жара.

Ворох шелестящих полосатых лент и яркая бравурная толпа почему-то напоминают маскарад. Вернее, ощущения маскарада. Ведь мало кому из нас случалось видеть подлинный маскарад. Сплошные предположения, да фантазии. Однако же, выглядит он, наверное, именно так – солнечно, празднично, беззаботно. Вернее, ощущается.

Мои же ощущения противны. Во всех смыслах. Не знаю куда идти, где ночевать и что есть на ужин. Ха.

Телефоны всех друзей предательски молчат, вот и приходится слоняться среди беззаботного карнавала чужих мне соотечественников. Ха-ха-ха.

Свободная скамейка только на самом солнцепеке. Фу.

Вот и приехал. Сажу на раскаленных досках, потею и злюсь. Сегодня все обо мне крепко-накрепко забыли и первыми это сделали ключи от квартиры. Да ну их всех.

Прямо под ноги прикатился апельсин. О! Пронзительно оранжевый гляцевый шарик. Прямо новогодняя елочная игрушка. Странно, но никто из шумящей толпы за ним не прибежал. То ли это тетушка с четырьмя авоськами его выронила, то ли парни с овощными ящиками поленились подобрать. Стало быть, он теперь мой. Ну, тогда – с Новым годом! С моим новым московским годом! Ведь бывает еще и новогодний маскарад, там-то апельсины и дают. Так.

Пока есть время, надо чего-нибудь запланировать или о чем-нибудь помечтать. Планировать и мечтать необходимо крепко, со вкусом и желательно до галлюцинаций. Так, чтоб «раскрутить» весь этот невеселый маскарад в какую-нибудь совершенно иную сторону. Пусть не в реальности, хотя бы в ощущении.

А если представить, что все у меня уже сложилось и вот он я, точно такой же, сижу на точно такой же Манежной? А рядом точно такие же строители, соотечественники и апельсин...

Два немолодых мужика в ярких майках и шортах фотографируют кремль. Камера у них мощная с огромным объективом, одежда фирменная, сумки импортные. Да и лица у них какие-то импортные, сытые, довольные. Вдруг мужики обнимаются и начинают целоваться. При чем, по настоящему, долго. Вот это да! Прямо на площади, прямо у всех на глазах. Так-так-так... Издалека к ним бежит милиционер, вернее мент, вернее даже не мент, а ментик совсем молоденький. Что-то сейчас будет. Добежал. Козыряет. Видимо, документы требует. И тут легонький ветерок доносит до меня зычную английскую речь. Ментик обескуражено козыряет, похоже, извиняется. Мужики-то действительно импортные. Как же все-таки естественны, раскованы и очень органичны эти западные. Наши так не умеют. Вот развернулись и как ни в чем не бывало дефилируют в обнимочку к Александровскому саду, а растерянный, угловатый ментик смотрит им вслед.

...Значит так. Все у меня сложилось. За углом автомобиль, я уже накопил всякой всячины для новенькой квартирки. Вот передохну немного и вернусь к налаженному ритму, верным друзьям и творческим успехам....

Довольно аккуратная, но уж больно старенькая бабулька исследует внутренности мусорной урны. «Больно старенькая» – чрезвычайно точное определение. Есть такие старики, на которых больно смотреть. Вроде бы все у них в порядке, и не болеют, и дети рядом, а взглянешь случайно, и прямо сердце оторопью сводит. Жалко. Тучный и очень красный парень отдает ей пустую пивную бутылку, что-то говорит, пальцем в урну тыкает. А что тут говорить? Чем тут поможешь? А вообще-то молодец. Кушюру из кармана достал. В руки ей вкладывает. Молодец.

...Итак. Творческие успехи...

Из толпы вываливается пьяненький парняга. Рот до ушей. В руках у него две бутылки шампанского и пачка пластиковых стаканчиков. Шумно и весело предлагает каждому встречному с ним выпить. Многие соглашаются. Свадьба что ли? А где же невесту потерял? Очень скоро выясняется, что сын у него родился! Поздравляю! Шампанское холодное, вкусное. Поздравляю.

...Значит, успехи...

На отгороженную пустынную часть площади неизвестно откуда взявшийся свежий ветерок выносит большущую связку оранжевых воздушных шаров. Красиво. Выпустившая их из рук девчушка в кукольном кружевном платице заливается острым визгом. Бедненькая.

И тут со всех краев площади, бросив работу, срываются строители. Они пытаются поймать непослушные шарики. Ветер уже распутал нитки, разбросал шары в разные стороны и, похоже, забавляется. Взрослые крепкие мужчины в оранжевых жилетах и касках весело носятся по Манежке и ловят оранжевые воздушные шары. Смешно. Как будто на чисто вымытый пол кто-то высыпал несколько десятков апельсинов. Поймали! Довольные, запыхавшиеся, яркие, апельсиновой толпой движутся в нашу сторону. Девчушка хохочет. Молодцы!

...Как-то мне не мечтается сегодня. Простая жизнь оказалась вдруг намного интереснее и ярче самых смелых грез и творческих успехов. А может быть не только сегодня? А может быть она такая всегда?

Пойду в жизнь!

Спасибо вам, апельсиновые строители! (Сворачивает листы.) Все. **Тетьшура.** Здорово! Это ты вот так вот можешь писать?

Александр. Ну.

Тетьшура. А чо тогда не пишешь? Знаешь ведь, сколько Парамошке за статейку дают. Вот и ты давай пиши! Попашешь – попишешь стихи.

Александр. Я – актер.

Тетьшура. Ну и что такого? Вечером играй себе, а днем рассказы пиши.

Александр. Это невозможно. Чтобы вечером нормально сыграть, не только днем, но и ночью иногда приходится работать. Да и потом, каждый должен делать свое дело. А мое главное дело – сцена.

Тетьшура. Все понятненько, не твое мол, Тетьшура, собачье дело, так что ли?

Александр. Я совсем не об этом. Дело в том, что каждый, кто хоть немного и хоть в чем-то одарен, должен ощущать постоянную ответственность перед этим своим даром. Наши знаменитые старики учат нас именно этому. Мы ведь работаем всем самым лучшим в себе, мы говорим людям о чем-то самом важном и главном. А бестолково, невнятно и уж тем более фальшиво о важном и главном говорить, по меньшей мере, стыдно. Это могут позволить себе только бездарь. Такая вот профессия.

Из комнаты выходит Парамошка.

Парамошка. Чо за профессия?

Тетьшура. Парамоша, скажи-ка, сколько тебе за страницу дают?

Парамошка. На бутылочку приличного коньячка хватит.

Тетьшура. А сколько в рассказе страниц?

Парамошка. Рассказы, Шура, разные бывают.

Тетьшура. Ну, в самом маленьком.

Парамошка. Ну, в самом маленьком десятка два-то будет.

Тетьшура. Вот это да! Это ж получается двадцать бутылок коньяка!

Парамошка. Шура, это ведь за всякое разное заказное фуффло деньги на коньяк дают, а приличные рассказы никто печатать не хочет. И что это за тема такая у вас интересная вдруг возникла? Уж не дамские ли романы или фантастику вы собрались тут без меня писать? А? Гении, блин, современностные...

Тетьшура. А вот... Александр у нас рассказ написал...

Александр. Зачем же Вы, Тетьшура? Я ведь только Вам...

Тетьшура. Ой...

Существо. Ой...

Александр уходит в свою комнату.

Парамошка (провожая взглядом Александра). Ой, ой, ой... Что, правда, рассказ?

Тетьшура. Еще какой. Только давай мы с ним пока об этом говорить не будем. Он же мне чего-то совсем другое хотел рассказать, а я как дура прицепилась к этому рассказу. (Задумывается.) Что-то про важное и главное...

Существо. Главное...

Парамошка (ухмыляясь). Люблю я вас, добрые мои соседи! Люблю. Если текстик сегодня спихнуть получится, часть гонорара обязуюсь на коньяк потратить! Только ничего не пишите больше, пожалуйста.

Тетьшура. Да пожалуйста! Я вот почитать люблю. Булгакова там, Дюма, Маринину. Так что пусть пишут все эти гении современные, а я просто почитаю.

Парамошка. Лучше все-таки говорить – гении современности. Кстати говоря, еще одному гению передай, что в пять у него примерка...

Тетьшура. Да ну вас всех; и современных, и современностных. Пойду лучше на кухню заниматься прямым и точным делом. Уже полдня решаю ваши основные вопросы современности. Десятка два уж нарешала. Стою вся красная, руками машу, а борщ почему-то не варится.

Парамошка. А я займусь кривым и неприличным делом. Есть у меня такое крепкое подозрение, что коньяка сегодня я вам доставлю. (Выходит из квартиры.)

Тетьшура забирает бутылку и рюмки, относит на кухню, приносит влажную тряпку, протирает сундук, поет.

Тетьшура. Луч солнца золотого туч скрыла пелена. И между нами снова вдруг выросла стена. Ля-ля-ля... Ля-ля-ля... Ля-ля-ля... Ночь пройдет, наступит утро ясное. Знаю, счастье нас с тобой ждет. Ночь пройдет, пройдет пора ненастная. Солнце взойдет. Ля-ля... Ля-ля... Солнце взойдет...

Из своей комнаты выходит Славомир Борисович.

Тетьшура. О... Славомир Борисович... А Вы когда пришли? Что-то я не углядела...

Славомир Борисович. Здравствуй, Шурочка, здравствуй. Ну и что, что не углядела. Сейчас-то видишь?

Тетьшура. Вижу.

Славомир Борисович. Вот и молодчина. Ты с народом поговорила?

Тетьшура. Нет еще...

Славомир Борисович. Ты, Александра Ивановна, говоря откровенно, очень безответственный человек. Все успела за сегодня сделать, и выпить и попеть, а про самое важное забыла. А как ты запоешь, когда нас расселять начнут? Судебные приставы твоих песен слушать не станут, возьмут все шмотки и на Арбат вынесут.

Тетьшура. Да поговорю я. А что, уже скоро придут? Хася ведь еще живая...

Существо. Живая...

Славомир Борисович. Живая-живая. Но Гаврилыч мне рассказал, что мужик, который нашу квартиру приглядел, совершенно спокойно может опеку подключить и даже психушку. Очень серьезный человек. А не станет старушки, всех вас отсюда попрут. Мне-то что, я прописан. Пусть даже в Бирюлево, а квартирочка какая-нибудь мне все-таки достанется. Тем более, это ведь не единственное мое жилье; у жены квартирка есть, у родителей комнатка. А вы? Я ведь, говоря откровенно, не только о себе думаю, вас жалко, такой вариант пропускаете. Когда у вас еще получится так просто квартиру в Москве получить, да еще и с пропиской? Еще раз повторяю – не в центре. Риэлтор не фокусник и не благодетель, он себе в убыток работать не будет. Но пять недорогих квартир у него на данный момент имеется, значит надо успевать, дорогой мой огуречик.

Тетьшура. Да поговорю я, Славомир Борисович. Хася тут постоянно трется, а у меня при ней не получается...

Славомир Борисович. Её что, действительно зовут Хася?

Тетьшура. Хася.

Славомир Борисович. В таком случае, при чем тут Евгения Петровна?

Тетьшура. На Евгению Петровну она лучше реагирует, а в документе – Хася Пинхусовна. Только вот фамилию не помню. Самое интересное, что и у Саши Гаврилыча в ДЕЗе какие-то там бумаги потерялись. А они, наоборот, кроме фамилии ничего не знали, пока я не помогла. Он ведь, когда переписывал данные всех проживающих, видел ее пенсионное. Дней пять я за ней ходила. Паспорта так и не добила, а вот пенсионное нашли. Сама принесла, поняла вдруг, что документы спрашивают. Дряхлая такая картонка, вонючая...

Славомир Борисович. Ваша Хася, говоря откровенно, тоже дряхлая и вонючая. Как вы тут вообще можете жить, бедолаги. Про святых каких-то воеет постоянно. Дурдом. Вы бы хоть ее помыли, что ли. Да и коридор давно прибрать пора, весь этот хлам повыбрасывать. Скоро уж квартиру смотреть придут, а у нас как на свалке. Надо прибрать.

Тетьшура. Я прибираюсь.

Славомир Борисович. Видимо плохо прибираешься, гений современностный. Хасю хотя бы помой как-нибудь, певица.

Тетьшура. Хасю трогать нельзя, она плачет.

Славомир Борисович. Ну и пусть плачет.

Тетьшура. Жалко ее.

Славомир Борисович. А себя тебе не жалко? Молодая здоровая женщина. Говоря откровенно, рожать ведь уже пора, дом нормальный обустраивать, мужика хорошего искать...

Тетьшура. Я поговорю сегодня.

Славомир Борисович аккуратно запирает свою дверь на три замка, направляется к выходу из квартиры, останавливается в дверях, оглядывается на Тетьшуру.

Славомир Борисович. Чуть не забыл. Александр Гаврилыч просил передать, что если ничего не получится, на работу больше можете не выходить. Говоря откровенно, без прописки вас на работе держать он уже не имеет права. Такая вот, Шурочка, назрела ситуация. Всего доброго. (Уходит.)

Тетьшура садится на сундук, задумывается, тихо напевает, к ней медленно подходит Существо, прислушивается.

Тетьшура. Когда вам одиноко и грустно отчего-то. И хочется что-то понять. Пойдите и найдите седого звездочета. Он здесь, он рукою подать. На все вопросы в мире есть у него ответы. Прочел он три тысячи книг. Он вычислил все звезды, он видел все планеты. И он позволит вам взглянуть на них...

Существо. Живая...

Тетьшура (задумчиво). Живая.

Существо. Ой...

Тетьшура (задумчиво). Ой-ё-ёй.

Существо. Хи... Хи...

Тетьшура (задумчиво). Хи-хи.

Существо. Псы...

Тетьшура (задумчиво). Чипсы.

Существо. Ничего...

Тетьшура (задумчиво). Ничего.

Существо. Люди...

Тетьшура (задумчиво). Да уж, люди... Ты бы, Хася, расстегайчиков еще поела, я там положила. Хочешь кушать?

Существо. Кушать, кушать...

Тетьшура подходит к двери в комнату Александра, стучит. В этот момент раскрывается входная дверь и в квартиру входит Антон. В руках у него большой голый манекен без головы. Из комнаты выглядывает Александр. Антон пробует закрыть строптивую дверь и роняет манекен на пол. Александр и Тетьшура смотрят, как маленький Антон пытается приладить отвалившиеся огромные руки и ноги манекена на место.

Тетьшура (иронично). Антош, ты зачем бабе руки отломил? Ничего не понимаю, ты вот тут всякой ерундой занимаешься, а у тебя в пять примерка. Нинка нам про нее все уши продудела.

Антон. Я знаю. Вообще-то, это мужской манекен.

Тетьшура. Так это ты на этого уroda что-то примерять собрался?

Антон. Да нет, мне сегодня в пять эротическое шоу одевать надо. А манекены мы с Ниной на мусорке за универмагом нашли, только вот головы кто-то уже утащил. Какой-нибудь бутик, наверное, обновляет витрину, вот и выбросили. Это, конечно же, товарные манекены, а мне бы хотелось где-нибудь пару портняжных найти. Но пока и они сгодятся...

Тетьшура. Почему это ты о нем во множественном числе говоришь?

Антон. Их шесть. Хорошо, что Парамонова встретили, всех уже дотащили до подъезда, сейчас будем поднимать.

Александр помогает Антону собирать манекен.

Тетьшура. А как ты их в комнату к себе запихаешь? Сам-то ты, наверное, там еще поместишься, а вот Нинку туда уже не впихнуть. Она же у тебя вон какая модельная модель, придется ей на сундуке ночевать.

Антон. Вообще-то, Нина стилист, а не модель. Может, мы все-таки манекены в коридоре поставим? Он же у нас вон какой огромный, хоть на велосипеде катайся. Никому они не помешают.

Тетьшура. Да я-то не против, только сегодня опять Славомир приходил и опять разблажился. Мол, грязно у нас и хлама много в коридоре. А мне лично нравится, все такое старенькое, миленькое. Да и чистенько все. Я же полики почти каждый день подтираю, вы же видите. Паскудный он все-таки мужик, этот Славомир. Хорошо хоть, что жить не хочет в этих своих комнатах. А то бы мы с ним разгавкались. Пусть уж забегает минут на десять, водит носом по замкам да по поликам, и ну его. Он ведь ждет удобного момента «оттяпать» нашу квартирку. Вот и ходит, контролирует. Хорошо ему, он тут прописанный...

Антон. Так мы их пока здесь поставим?

Тетьшура. Да ставьте, мне-то чего...

Раздается дверной звонок. Тетьшура открывает дверь, Парамошка втаскивает в квартиру еще двух собранных манекенов.

Парамошка. Зачем закрылись-то? Нам еще носить и носить.

Антон. Да я как-то по инерции, простите.

Парамошка (устанавливая манекены). Гляди, Шурочка, какие красавцы к нам заселяются, любо-дорого поглядеть. Такие же безголовые, как и мы. С сегодняшнего дня – на целых шесть жильцов больше. (Похлопывает паховую зону манекена.) Обрати-ка внимание. Впечатляет?

Тетьшура. Да ну тебя, дурак.

Парамошка. А по моему весому, солидно и статусно!

Тетьшура. Ты хоть до редакции дошел?

Парамошка. Ага, дойдешь тут с этими гениями модельного мира. (Антону.) Ты, кстати, чем занимаешься, прет-а-порте или откутюр?

Антон. Я занимаюсь дизайном одежды, прежде всего. А уж к какому виду ее отнести, зависит от заказчика или критиков. Коллекции делаю и те и другие. Сейчас вот шоу одеваю для ночного клуба.

Тетьшура. Эротическое.

Парамошка. Эротическое шоу раздевать полагается, кутюрё моё...

Антон. Я два месяца над этими костюмами работал. Эротика – это искусство, как и хороший эротический костюм...

Тетьшура. Так они у тебя там в костюмах и галстуках пляшут что ли?

Парамошка. Шура, не срамись. Костюм сценический имеется ввиду. Все вот эти тряпочки, которые они там снимают, Антоша на них и наряжает.

Антон. Ничего они не снимают, это же не стриптиз. Выпустим программу, обязательно на премьеру позову. Пойдете?

Парамошка. Меня лучше на примерку позови. (Смеется.) Я хоть и не гинеколог, но посмотреть могу. Давай, ты скажешь, будто я какой-нибудь младший модельер, а я сантиметриком там чего-нибудь поизмеряю. На сцене же самое интересное прикрыто. Твоими костюмами, между прочим...

Тетьшура. Ой, какой же ты паскудник, Парамоша. А еще меня стыдишь. Я вообще туда не пойду. Вон пускай Сашки идут. Шумно в этих ночных клубах и все всегда пьяные.

Парамошка. А ты, блин, всегда трезвая...

Тетьшура. Я пью маленько всегда и только для настроения.

Парамошка. Видишь ли, Антон, спасибо тебе конечно, но не пойдём мы никуда. Идиотские из нас посетители ночных клубов получают. Не гламурные мы ни фи́га (терпеть не могу этого вашего словечка). Давайте уже вниз спускаться, да всех остальных истуканов принесем. Мне в редакцию сходить надо.

Тетьшура. Парамош, а можно ребята без тебя этих дураков принесут? Саша ведь поможет? (Александр кивает.) Мне с тобой поговорить надо.

Парамошка. Опять о рассказах?

Тетьшура. Да нет...

Парамошка. Хорошо. Только, парни, вы сначала руки-ноги принесите, а потом уже туловища. Целиком они уж больно тяжелые и неудобные. Руки у них все время отваливаются. Там шарниры разболтались, я потом подтяну...

Антон и Александр выходят. Тетьшура и Парамошка расставляют манекены, находят им более устойчивое положение, уходят на кухню. По коридору медленно движется Существо, натывается на манекен, ощупывает.

Существо. Люди... (Долгая пауза.) Святые люди... (Пауза.)

Из кухни выглядывает Парамошка, долго наблюдает за передвижениями Существа.

Существо. Люди...

Тетьшура (из-за плеча Парамошки). Так чо нам делать, Парамош?

Парамошка. А ничего не делать. Жить-поживать, да Добрана жевать. Все свое детство несмышленное пытался понять, какого такого Добрана они жуют в конце каждой сказки. А еще... (Пауза.) Я совсем еще недавно был совершенно уверен в том, что воробьи это птенцы голубей. Мне ведь в детстве так и не объяснили, что это просто разные птицы. (Пауза.) А еще я верю в домовых и в то, что обижать их нельзя ни при каких обстоятельствах...

В раскрытой входной двери появляются Антон и Александр, заносят в квартиру перевязанную веревкой «поленницу» рук и ног манекенов.

Вот это номер! Bravo- bravo- bravo- bravo! Изобретательно! Да вы же просто носильники-прикладники! Я бы даже сказал потаскуны-новаторы! Мастера высоких такелажных технологий, а также инновационных погрузочно-разгрузочных методов.

Тетьшура. Ужас-то какой...

Парамошка. Шура, родная, ужас совсем в другом...

Тетьшура. А в чем?

Парамошка. Да в голове твоей наивной...

Александр. Там только торсы остались.

Парамошка (смеется). Знал бы ты, что ты сейчас сказал. Но если говорить о манекенах, я бы назвал эту их деталь организма тушкой, а не торсом...

Антон. Жалко, что голов нет. Они бы мнегодились...

Парамошка. Всем бы нам они сейчасгодились. Вы, ребята, без меня с этой «расчлененкой» разберетесь? А то ведь редакция работать долго не любит.

Антон. Разберемся конечно, спасибо Вам, Александр Ильич. На премьеру все-таки приходите, мне очень интересно Ваше мнение. Я бы Вас с продюсером познакомил, может быть Вашему изданию актуальна и эта тема. Мы уже давно про PR-материалы говорим. А шоу, честно говоря, у нас просто классное получается.

Парамошка. Посмотрим, посмотрим... В смысле, шоу твое посмотрим...

Тетьшура. Тогда и я пойду. А там можно, чтобы много народу? В смысле, чтобы мы все вместе? А то ведь видимся все всегда по отдельности, ни разу не было, чтоб вместе...

Парамошка. Ты еще Хасю с собой возьми...

Тетьшура. Да ну тебя, я же серьезно.

Антон. Я думаю, проблем не будет, возьму входные на всех...

Тетьшура. Здорово!

Антон (Александр). Вы-то пойдете?

Александр. Скорей всего пойдём...

В дверях появляется Нина с туловищем четвертого манекена, бросает его на пол.

Антон. Можно поаккуратней? Мне с ними ещё работать...

Нина. А со мной? Я пока вас ждала, уже ангину заработала. У вас тут видимо очень важные беседы, но обо мне можно было бы и вспомнить...

Антон. Прости пожалуйста.

Нина. Пожалуйста. Они, между прочим, там без присмотра остались. Может быть, их уже кто-нибудь принесет?

Парамошка. Принесет, принесет. Ну что, парни, пойдём?

Александр, Антон и Парамошка уходят. Нина садится на сундук, закуривает.

Тетьшура. Нин, а как в ночные клубы одеваются? Ну, в смысле юбка там или штаны? Или вон платье такое как у тебя надо?

Нина. Это зависит от клуба или от программы. В демократичном клубе можно и джинсы приличные себе позволить с элегантным топом, а в элитарном – очень много требований. Чаще всего – коктейльное платье...

Тетьшура. А в каком типе клуба у вас шоу будет?

Нина. Типе клуба?..

Тетьшура. Ну.

Нина. В демократичном.

Тетьшура. Здорово!

Нина. Какие странные вопросы. Неужели ты «поклубиться» собралась?

Тетьшура. Собралась.

Нина. Круто...

Тетьшура. Давай посидим на кухне, я тебе все расскажу.

Нина. Ну давай...

Тетьшура и Нина уходят на кухню. Существо продолжает осторожно изучать появившиеся в пространстве необычные предметы.

Существо. Люди... (Пауза.)

В квартиру входят Александр и Антон, вносят туловища манекенов, запирают дверь, начинают их собирать и расставлять по коридору.

Антон. Например, ведущими программы... А может быть аниматорами...

Александр. Как бы в подтанцовку?

Антон. Ты это слово больше не употребляй. Это не профессионально. Вообще-то это эскорт-балет, но в кулисах их называют зажигалками.

Александр. Понял. Публику заводить?

Антон. Ну...

Александр. А нас возьмут?

Антон. Если кастинг пройдете, возьмут. Вы же актеры...

Александр. А деньги сразу дают?

Антон. Конечно сразу. Еще и всех после работы по домам развозят. Программа часа в три уже заканчивается, дальше только танцпол. Да и не нужна в это время никакая программа, все уже кривые...

Александр. Ты вот про костюмы говорил. Они дорогие?

Антон. Это же из моих старых коллекций. Я их вам просто так дам. Подберем чего-нибудь, подгоним, не волнуйся...

Александр. А режиссер этот откуда?

Антон. А пес его знает. Да и не режиссер он кажется, а хореограф. Но программу делает он. Сегодня на примерке с ним поговорю. Вам бы только войти в эту систему. А когда освоитесь, может быть, номера свои сделаете, может быть, запоете. У вокалистов совсем другие деньги...

Александр. Спасибо огромное!

Антон. Огромнейшее пожалуйста!

Александр. Слушай, а ведь права Тетьшура оказалась. Столько времени в одном доме прожили, а поговорить нормально ни разу не получилось. Спасибо твоим манекенам. (Обращается к манекенам.) Спасибо вам, сиятельные доны! (Снимает воображаемую шляпу, имитирует классический испанский поклон.)

Антон. Зато поругаться получалось...

Александр. Так нервные же все.

Антон. Но теперь-то пообщаемся? Может, и поработаем вместе?

Александр. А ты спектакли оформлять не пробовал?

Антон. Пока не приходилось.

Александр. Как говорит Парамошка, есть у меня такое крепкое подозрение, что придется тебе это дело попробовать. Я ведь о режиссуре всерьез думаю, а без хорошего сценографа хорошего спектакля не сделать...

Антон. Давай попробуем. Я с театрами никогда не работал. А что это за реверанс ты тут исполнял?

Александр. Это не реверанс. Просто у нас на движении сейчас Испания средних веков. Дико интересно. Плащи, шляпы, шпаги, даги, сапоги. Каждый жест в этикетном поклоне тогда был очень символичен. Хочешь попробовать?

Антон. Давай попробуем...

Александр показывает поклон, Антон неуклюже пробует его повторить. Из кухни выходят Тетьшура и Нина.

Тетьшура. Нет, ну ты только посмотри! На минуту оставить нельзя! Ведут себя прям как дети! Напьются-накурятся, и давай к манекенам приставать...

Нина. Действительно, вы чего это?

Тетьшура. Признавайтесь уже, чего курили...

Антон (смутившись). Да не курили мы ничего. Просто поклон... испанский...

Александр. Этикет средних веков...

Нина. Антоша, нам уже на примерку пора. Я с Шурой договорилась, она с Яном посидит...

Антон. Так мы его дома оставим?

Нина. Конечно, Шура ведь посидит.

Антон. А кормить?

Нина. Она и покормит.

Тетьшура. Да не пугайся ты, папаша. Я умею. Я уже не одну деточку выкормила. Давайте показывайте, где у вас кашка, кефирчик и прочие памперсы.

Тетьшура с Ниной уходят в комнату, обомлевшие Александр и Антон переглядываются.

Антон. Ничего себе... Чудеса...

Александр. Похоже помирились...

Антон (кланяясь манекенам). Спасибо вам, сиятельные доньи!

Александр (подхватывая игру). Спасибо вам, сиятельные доньи!

Из комнаты выходят Тетьшура и Нина. Молодые люди отвешивают изысканный, нарочито «многоступенчатый» поклон теперь уже в их сторону.

Антон и Александр (с наигранной серьезностью). Спасибо вам, сиятельные доньи!

Тетьшура. Я вот чего думаю, Нинуш. С нашего-то взятки гладки. Отрезанный уже ломоть – артист. А твой-то куда? Тоже мне, дон Сезар де Базар...

Нина (смеясь). На примерку он сейчас пойдет, вот куда!

Антон. На примерку! На примерку! На примерку!

Нина «выволакивает» продолжающего кланяться Антона за дверь. Все хохочут.

Тетьшура. Саш, ты-то не удираешь еще?

Александр. Вообще-то скоро уже пойду...

Тетьшура. Саш, разговор есть.

Александр. Долгий?

Тетьшура. Да нет, Саша... Об этом... О важном и главном. Только давай в твоей комнате. Я хоть посмотрю как вы там живете. Заодно и потребяски ваши заберу, вечером в машинку запихаем, выстираем. Давай поговорим, а? Поговорим?

Александр. Поговорим...

Тетьшура с Александром уходят. Среди манекенов медленно бродит Существо. С пространством опять начинает происходить уже знакомая зрителям метаморфоза, в него опять возвращается цветочная зелень, уют и ухоженность, пропадают «прелести коммунального быта», но манекены остаются. Существо улыбается, скрывается за своей дверью.

Занавес.

Действие второе

Тетьшура (глядя в окно). Ой, какой снежок! (Напевает.) Мы Снегурочку найдем в царстве тридесятном... (Пауза.) А снег идет, а снег идет... (Пауза.) Расскажи Снегурочка, где была... (кричит) Евгения Петровна!

Из комнаты выходит Евгения Петровна. На ней явно праздничное платье и теплая вязаная кофта с брошью.

Евгения Петровна. Да, Шурочка...

Тетьшура. Вы какую песенку к Новому году в детстве разучивали?

Евгения Петровна. «В лесу родилась елочка», конечно же...

Тетьшура. Я так и думала. А вот мне она в детстве совсем не нравилась. Обидно как-то. Зайцы веселые под елкой скакали, метель ей песенки пела, мороз снежком укутывал. Приехал мужичок с топором, заметьте, даже не мужик, а мужичок плюгавенький, и срубил нашу елочку под самый корешок. Где же теперь зайкам сереньким скакать?

Из своей комнаты выбегает Саня в широких трусах, роняет один из манекенов, запирается в туалете. Евгения Петровна подходит к лежащему на полу манекену, пробует приладить отвалившуюся руку.

Евгения Петровна. Ничего у меня не получается. Упрямые у нас манекены, падают и падают. Каким же образом это теперь закрепить?

Тетьшура. Да бросьте вы. Сейчас эта бестолочь описается, мозги у него заработают и все починит. Надо будет хоть какой-нибудь завтрак в него запихнуть. (Кричит.) Санька! Санюнька!

Из туалета выходит Саня, улыбается.

Саня. С добрым утром, простите пожалуйста...

Тетьшура. С добрым днем! А день, между прочим, чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный? Все уже давно позавтракали, а ты все еще четвертый сон досматриваешь. Сейчас Парамошка придет, и мы уже на горку одеваться будем. С нами даже Евгения Петровна пойдет, я ее опять уговорила. Но если не покушаешь, мы тебя с собой гулять не возьмем, можешь не надеяться. Я вон тебе на кухне положила, иди-ка лопай, худая жизнь.

Саня (идет на кухню). Спасибо. Но только я немножечко...

Тетьшура. Конечно немножечко, ты ведь много не умеешь. Так ты что, уже есть пошел?

Саня. Да.

Тетьшура. Балда. Слушай ты, «в трусишках зайка серенький», сначала в штаны нарядись, потом манекен собери, потом зубы почисти, умойся, а потом уже завтракай...

Саня (убегая в комнату). Ой, простите...

Тетьшура (Евгении Петровне). Не проснулся еще. Сейчас соберет. Где же у нас Парамоша ходит? Вроде бы время...

Из комнаты выходит Александр, начинает собирать манекен. Чуть позже к этому непростому процессу присоединяется одевшийся Саня.

Тетьшура. Какие же они у нас все-таки ладненькие, Евгения Петровна. Золотая молодежь. И кому ж такая красота достанется?

Евгения Петровна. Как правило, эта красота достается пожелтевшим афишам...

Тетьшура. Слушайте вы, артистические рожи, вы когда уже девок себе заведете? Сколько можно тете Шуре нервы трепать? Вас вот когда спрашивают, женаты вы или нет, вы чего отвечаете?

Александр (усмехаясь). Отвечаем, что женаты время от времени...

Тетьшура. Как это так?

Александр. Дело в том, Тетьшура, что понятие «женитьба» весьма многозначно. У нас с женитьбами все в порядке. Женимся часто и успешно.

Саня. У нас невест много...

Тетьшура. Ой, ой, ой, и сопливые туда же. Охламоны вы, а не женихи. Невеста должна быть одна и на всю жизнь. В смысле жена на всю жизнь. Это вас Парамошка такому паскудству обучил, точно. Вот припрется, я ему задам...

Из комнаты выходит Антон. На нем ультрамодный спортивный комбинезон, в руках белоснежная куртка с капюшоном, шапка и яркие

зимние ботинки. Размещает вещи у выхода из квартиры, присаживается к столу.

Тетьшура. Выходим в открытый космос! Молодец ты все-таки, Антоша. Только рановато нарядился, Парамошки-то еще нет...

Антон. Да это я так, примерил только...

Тетьшура. Вот, обалдуи, глядите. Парень, так парень. И жена у него красавица, и ребеночек миленький, и вон какую красоту себе шьет...

Антон. Вообще-то это не мой костюм.

Тетьшура. Взял поносить?

Антон. Да нет. Костюм мой, но шил его не я...

Открывается входная дверь, входит раскрасневшийся Парамошка с двумя парами валенок и большим термосом, раздевается.

Парамошка. Вот тебе, Шурочка, русские народные валенки. Примеряй! Вот тебе, Шурочка, термос китайский с цветочками красивенькими. Наполняй!

Тетьшура (примеряя валенки). Ой, какая прелесть. Как у Христа за пазухой. (Поет и пританцовывает.) Мы с веселой песенкой о лете, самой лучшей песенкой на свете, ля-ляляля-ляля-ляля, лето это хорошо! Хотела, было, тебя отругать за пацанов, но сейчас не стану. Спасибо, Парамошечка!

Парамошка. А чего они опять натворили?

Тетьшура. Да жениться не хотят...

Парамошка (грозя пальцем). Жениться, парни, надо! Хотя бы один раз в неделю!

Тетьшура. Вот. Что и требовалось доказать. Этот всякие глупости собирает, а эти повторяют за ним как обезьяны...

Парамошка. Шура, родная, повторяют обычно попугаи...

Тетьшура. Да хоть крокодилы. Что ты мальчишкам голову морочишь? Сам вон болтаешься один одинешенек... Хочешь, чтоб и они на своем творчестве поженились?

Парамошка. Не самый плохой вариант развития событий...

Тетьшура. Ой, да ладно... Бесполезно с тобой разговаривать... Забарахлил себе мозг и радуешься... Беспутник ты, Парамоша.

Парамошка. Шура, родная, лучше говорить беспутный или распутник...

Тетьшура. Да ну тебя. Я вот своим детям не буду разрешать писателями или артистами делаться. Ни одного счастливого человека среди вас нет.

Парамошка. Зато человечество счастливо. Мы затем и придуманы, чтоб иногда рассказывать людям о людях. Жена в этом деле помогает

далеко не всегда, а вот мешает делу постоянно. Хотя случаются исключения...

Тетьшура. Мне вот, например, ничего про меня рассказывать не надо. Я все про себя знаю.

Парамошка. Не скажи, Шурочка, не скажи...

Евгения Петровна. А мне, Шура, кажется, что ничего вы не сумеете своим детям запретить. И если уж выберут они творчество или, может быть, науку, то во всех их начинаниях помогать будете...

Тетьшура. Не буду.

Парамошка. Будешь, будешь. Ты же добрая...

Тетьшура (обращаясь к Сане). А ты чего тут сидишь, уши греешь? Марш на кухню завтракать! Там уж остыло все. Термос захвати. И Александра тоже с собой возьми, чтобы тоже перекусил, он ведь утром тоже не поел толком...

Саня и Александр отправляются на кухню. Антон уходит в свою комнату.

Парамошка. Сашок-то твой придет сегодня?

Тетьшура. Не может он, работы много...

Парамошка. Какая работа? Рождество!

Тетьшура. Такая вот работа. Он же менеджер. До вечера в офисе будет дежурить, факсы там отправлять, принтеры. Не всем же, как тебе всю неделю по ресторанам таскаться...

Парамошка. Ох ты... Я ведь забыл совсем. Такую картинку сегодня в одном из ресторанов пронаблюдал, просто Брейгель, честное слово... Обязательно напишу, обязательно... (кричит) Уважаемые соседи! Минуточку внимания! А вот кому тут свежая рассказка?..

Из кухни выглядывают Саня и Александр, из своей комнаты – Нина и Антон.

В общем, так. Слушайте. Разыскать в сегодняшней Москве классические валенки – дело утомительное и хлопотное. А я, как существо творческое, стало быть, безответственное, вам их две пары пообещал. Но я ведь еще существо деятельное и настырное. Поиски второй пары валенок привели меня в Домжур... Хотя нет, подождите. Сначала вот о чем. Давайте не пойдём сегодня в парк...

Тетьшура. Как это не пойдём? Ты чего это начинаешь? Все уж собрались. Я даже опять Евгению Петровну с нами уговорила...

Парамошка. Шура, родная, не в смысле вообще не пойдём, а в смысле в парк не пойдём. Поехали в Сокольники!

Тетьшура. Сокольники – тоже парк...

Парамошка. Но только более спокойный и уютный. Знала бы ты, что на улицах творится. Понаставили сцен, все движение перекрыли. Вальпургиева ночь среди бела дня! На каждом углу, как у Катаева, «порнографическими голосами орут граммофоны». Толпы соотечественников с пивом и детьми баландаются везде. Не пройти, не проехать. Как будто бы не Рождество, а свадьба деревенская, в самом плохом смысле этого слова. Угар какой-то. Ну, так вот. Прихожу в Домжур, а у нас там, ежели кто знает, на первом этаже ресторанчик располагается. В общем, и не ресторанчик, а так, полурюмочная, полутрактир.

Тетьшура. Ты, конечно же, мимо не прошел...

Парамошка. Не прошел. И очень рад этому обстоятельству. Там-то я эту живописнейшую сцену и лицезрел. Еще одну пьесу придется писать. Утром там цыганский ансамбль завтракал, из тех, которые каждый праздник по разным площадкам целый день шарашатся. Ну, артисты, как бы. Ансамбль давно уехал, а две красавицы в концертных костюмах и гриме подзадержались. Вы бы только видели, какая у них на лицах хохлома расцвела после третьей бутылочки! Ресницы длиннющие к бровям прилипли, помада и тени поразмазались, парики набекрень съехали. Картина с маслом! Ну просто примы-балерины вокально-хореографические из музыкально-драматического муниципального театра! (Смеется.) Специально задержался, чтоб посмотреть, как они выходить будут. Одна-то еще на ногах стояла, а вторая уже никак. Ну, так вот. Более выносливая подруга взваливает напарницу себе на плечо и выносит ее в самом прямом смысле этого слова. И тут видит, что у бармена на стойке телефон стоит. Прется к стойке. Кладет подругу прямо на стойку. Берет трубку и, не набирая никакого номера, начинает орать на весь кабак: «Скорая помоч! Скорая помоч! Нора заболела!» (Смеется.) Тут же успокаивается. Дело-то уже сделано, первая помощь оказана, доктора сейчас приедут и подругу полечат... (Смеется.) Как они ловили машину, рассказывать не буду, это отдельная песня, а вернее будет сказать пластический этюд. Самое интересное, что я ведь не удивлюсь, если эти куклы приедут на концерт и пойдут на сцену. А? Каково? Нора заболела! (Все смеются.)

Евгения Петровна (улыбаясь). Давайте действительно поедem в Сокольники.

Парамошка (кланяясь). Евгения Петровна, – мое почтение. Именно это я и предлагаю. Там-то уж наверняка поспокойнее. А пьесу думаю назвать «Нора».

Александр. Есть уже «Нора». У Ибсена.

Парамошка. Да? Ну, тогда пусть будет «Нора заболела», все подумают, что продолжение...

Тетьшура. А я бы не пошла в театр на пьяных цыганок смотреть.

Парамошка. Вот и напрасно. Только представь, какая у них биография. Особенно у Норы...

Тетьшура. Обыкновенная биография. Что день – то пир, что утро – то похмелье. Я хоть и выпиваю сама, а пьяниц не люблю...

Парамошка. Золотые слова. Давай я о тебе пьесу напишу. И назову ее «Шура»!

Тетьшура. Спасибо что хоть не «Шура заболела»! Нет, нет, нет. Лучше про цыганок своих пиши или про соплю.

Парамошка. Скептически вы, Шура, относитесь к литературно-художественному творчеству вообще, и к его ярким представителям в частности.

Тетьшура. А вы, Парамоша, заболтали нас совсем своими бестолковыми рассказами. Сколько можно уже собираться, все ведь уже готовы. Одевайтесь давайте! Я вот шиповника в термос налью, и поехали.

Парамошка. Поехали!

Все начинают шумно собираться. Евгения Петровна надевает ботинки, шаль и старенькое пальто.

Тетьшура. Евгения Петровна, так вы так поедете?

Евгения Петровна. Мы ведь не надолго...

Парамошка. Это никуда не годится. Еще не хватало нам вас заморозить. (Антону.) Что будем делать, кутюрье?

Антон. Одевать!

Антон уходит в свою комнату и тут же появляется с новеньким, конечно же, очень модным пуховиком в руках. Вслед за ним выходит Нина, она несет белоснежные зимние сапожки. Не слушая робких отказов Евгении Петровны, вся компания весело помогает ей одеваться. И вдруг Евгения Петровна начинает плакать. Пауза.

Евгения Петровна. Простите меня, ребятки... Я так отвыкла от простого и доброго внимания к своей персоне, что элементарно расчувствовалась... Вы хорошие! Знайте об этом. Но эти прекрасные вещи я надевать не стану. (Пауза.) Разве что сапожки...

Саня срывается с места и, запинаясь о манекены, несется в свою комнату.

Тетьшура. Евгения Петровна, что ж вы плачете? Все же хорошо...

Евгения Петровна. Хорошо.

Тетьшура. Мы же вас просто любим. Вы же хорошая...

Евгения Петровна. Хорошая.

Тетьшура. И мы все хорошие...

Евгения Петровна. Хорошие.

Из комнаты выскакивает Саня, в руках у него белоснежный плотный свитер.

Саня. Вот. Мне его мама вязала. Его можно под пальто...

Евгения Петровна. Спасибо, Сашенька.

Евгения Петровна переодевается. Компания выходит из квартиры. Щелкает дверной замок. Пауза. Из комнаты выходит Славомир Борисович, останавливается у входной двери, долго стоит, прислушивается. Несколько раз ударяет дверь кулаком, возвращается в свою комнату, приносит оберточную бумагу и скотч. Отодвигает от стены часы и аккуратно их упаковывает. Методично запирает свою дверь на три замка. Выносит часы из квартиры. Как только хлопает дверь, с пространством опять начинается происходить «обратная» метаморфоза.

Через некоторое время из кухни выходит Тетьшура, узнать которую сразу невозможно. На ней черные джинсы, кожаная «косуха», кроссовки и «навороченная» бейсболка со стразами. Подходит к двери Существа, прислушивается. Из своей комнаты выглядывает Парамошка, наблюдает за Тетьшурой, скрывается за дверью. Тетьшура медленно прохаживается по коридору, разглядывая манекены. Останавливается у темного окна и долго в него смотрит.

Тетьшура (задумчиво). Мы Снегурочку найдем в царстве тридесятном.

Парамошка (выглядывая из комнаты). Ну что?

Тетьшура (не отрывая глаз от окна). Ой, какой снежочек... (Тихо напевает.) А снег идет, а снег идет... (Пауза.) Снег...

Парамошка. Так что там?

Тетьшура. Снег...

Парамошка выходит из комнаты, запирает дверь, усаживается на сундук.

Парамошка. Чего ты такая квёлая?

Тетьшура. Парамоша, слушай, а у тебя вот бывает так, что как будто все это уже с тобой было? Прямо вот все, все, все... Только как-то по другому...

Парамошка. Дежавю, что ли?

Тетьшура. Что это за слово такое? Расскажи...

Парамошка. Дежавю, Шура, это ощущение, что ты уже когда-то был в этой ситуации. То есть что-то уже делал или что-то уже видел. Статистика говорит о том, что девяносто процентов людей время от

времени испытывают это ощущение. Дежавю обычно сопровождается чувством странности и нереальности. Я тоже иногда его испытываю. С французского это переводится как «уже видел».

Тетьшура (присаживаясь рядом с Парамошкой). Когда же мы уже кутюрё наше увидим?

Парамошка. Да скоро уже. Полчасика максимум. Хочешь, я тебе рассказку веселую расскажу пока сидим? Сегодня днем в ресторанчике пронаблюдал. Просто Брейгель, честное слово. Еще одну пьесу мне придется писать. Утром там цыганский ансамбль завтракал, из тех, которые каждый праздник по разным концертным площадкам целый день шарашатся. Ну, артисты, как бы. Ансамбль давно уехал, а две красавицы в костюмах и гриме подзадержались. Ты бы только видела, какая у них на лицах хохлома расцвела после третьей бутылочки! Ресницы длиннющие к бровям прилипли, помада и тени поразмазались, парики набекрень съехали. Картина с маслом! Ну просто примы-балерины вокально-хореографические из музыкально-драматического муниципального театра! (Смеется.) Специально задержался, чтоб посмотреть, как они выходить будут. Одна-то еще на ногах стояла, а вторая уже никак. Ну, так вот. Более выносливая подруга взваливает напарницу себе на плечо и выносит ее в самом прямом смысле этого слова. И тут видит, что у бармена на стойке телефон стоит. Прется к стойке. Кладет подругу прямо на стойку. Берет трубку и, не набирая никакого номера, начинает орать на весь кабак: «Скорая помоч! Скорая помоч! Нора заболела!» (Смеется.) Тут же успокаивается. Дело-то уже сделано, первая помощь оказана, доктора сейчас приедут и подругу полечат... (Смеется.) Как они ловили машину, рассказывать не буду, это отдельная песня, а вернее будет сказать пластический этюд. Самое интересное, что я ведь не удивлюсь, если эти куклы приедут на концерт и пойдут на сцену. А? Каково? Нора заболела!

Тетьшура. Так ее вылечили?

Парамошка. Нору?

Тетьшура. Нору.

Парамошка. А шут ее знает. Этого я уже не наблюдал.

Тетьшура. Жалко ее...

Парамошка. Что-то ты совсем у меня расклеилась. Давай, собирайся...

Тетьшура. Что же мы делаем-то? Господи прости. Жалко же ее...

Парамошка. Шура, перестань. Ведь договорились не говорить.

Тетьшура. Зря мы с тобой в этот клубешник намылились. Что мы там с тобой будем делать?

Парамошка. Пить, плясать, программу смотреть. Когда ты еще наших Сашек на сцене увидишь? Да и в ночниках ты никогда не бывала. А на это стоит посмотреть. Хотя бы за тем, чтоб не любить. Вот скажи мне, пожалуйста, когда у тебя еще случится повод коктейлей экзотических попробовать?

Тетьшура. Не, не, не. Я буду чистенькую.

Парамошка. Чистенькую, так чистенькую. Она и дешевле гораздо. Будем считать, что едем с тобой на экскурсию, затем, чтоб подтвердить или опровергнуть стойкое чувство нелюбви к ночным клубам...

Тетьшура. Я их уже сразу не люблю. Лучше попеть да попить на кухне. А ведь на кухне можно еще и поесть! Расстегайчика тебе дать?

Парамошка. Лучше уж рюмку дай...

Тетьшура. И то верно. Перепугали вы меня вусмерть с этими клубными ценами. Никогда бы не подумала, что можно рюмочку продавать по цене бутылочки. Я такую ценовую политику только на вокзале понимаю, когда пирожок в десять раз дороже покупаю. Но я этим воровкам все, что о них думаю, тут же и рассказываю.

Парамошка. Не вздумай барменам об этом рассказывать. Это тебе не вокзал, вышибут из заведения в три секунды. Фейсконтроль. Думаешь, зачем мы тебя так приодели, для красоты что ли? Там на входе фейсконтроль жесткий, просто так не протиснешься. И внутри за посетителями смотрят постоянно. Чуть что – пошел вон. А деньги мои мы явно все в баре оставим. Как домой добираться будем? Антошка нас обещал только под утро вывезти.

Тетьшура. Ой, какая-то подводная лодка получается. Ни поорать, ни уехать.

Парамошка. Так ты рюмку принесешь?

Тетьшура. Я бутылку принесу. Давай налопаемся на берегу пока время есть.

Пока Тетьшура приносит с кухни бутылку, закуски и рюмки, из комнаты выходит Нина, садится рядом с Парамошкой, закуривает.

Парамошка. Ну что?

Нина. Из клуба уже выехал, скоро поедем...

Тетьшура (наполняя рюмки). Нинуш, ты с нами тяпнешь?

Нина. Вообще-то я пью только красное вино...

Тетьшура. А у меня его нет...

Нина. Но работы сегодня много, поэтому тяпну, Шура. Только Антоше не говорите...

Тетьшура. Молодщинка! Давайте-ка сначала вы с Парамошкой, а потом сразу я. Чистых рюмок, простите, больше нет. Дай Бог, чтобы программа у вас там хорошая получилась, чтоб денег побольше дали, да и за парней наших, чтоб уж два раза не вставать! Как это называется, дебют у них сегодня? Вот за него давайте и хлопнем!

Все выпивают. Из комнаты выходит Существо, медленно идет на кухню.

Нина. Хорошая куртка, правда?

Тетьшура. Очень. Только мне как-то неловко в ней. Не в смысле неудобно, а просто не привыкла я к ней...

Парамошка. А тебе идет.

Тетьшура. Сама вижу, что идет.

Существо (проходя мимо сундука). Люди...

Тетьшура. Нинуш, а вы куда детеныша дели?

Нина. Ян пока живет у тетки антошиной и Аня тоже...

Тетьшура. Аня это кто?

Нина. Это наша собака, левретка.

Тетьшура. Ваша собака чего?

Парамошка. Порода такая, левретка называется. Удивительная история у этой породы. Представляешь, этим собачкам гулять на улице противопоказано. Вывели их специально для того, чтоб они всю жизнь по диванам, подушкам и перинам прыгали, услаждая взор царственных особ. Так называемая будуарная собака. А в основе породы – борзые. Красивые, блин...

Тетьшура. А куда ж они «это дело делают»?

Нина. В специальные кюветы со специальным наполнителем. Как кошки...

Тетьшура. Чудо чудесное, собаки как кошки!

Существо (выходя с кухни). Люди...

Тетьшура. Ты бы, Нин, ее хоть показала бы мне как-нибудь. А я все думаю, лает, лает, а гулять не ходит. Мне даже казалось, что вы этот лай на магнитофоне заводите.

Нина. Покажу обязательно, но только после праздников. Мы Анечку и Яна специально к тетке отправили, сезон же идет, заработать надо...

Тетьшура. А у меня всегда сезон идет. Хоть лето, хоть зима. Только я не зарабатываю...

Нина достает мобильный телефон в желтом металлическом корпусе, набирает номер.

Ух ты! Это что?

Нина. Мобильник.

Тетьшура. Золотой?

Нина. Да нет, это платиновое покрытие.

Парамошка (разглядывая телефон). И стразы.

Нина. Это не стразы. Это фианитики.

Тетьшура. Круто!

Нина (в телефон). Ты где? Хорошо.

Тетьшура. Вот это телефон!

Нина. Ну все, машина уже внизу. Я сейчас. (Уходит в комнату.)

Тетьшура и Парамошка молча наполняют рюмки, выпивают.

Парамошка. Будуарная борзая сука...

Тетьшура. Ты чего это заругался?

Парамошка. Это я не ругаюсь, это я просто фразу хорошую придумал...

Тетьшура. Потрясный телефон.

Парамошка. Тогда на, получи еще одну хорошую фразу. От платиновых телефонов с фианитами крепко пахнет бриллиантовыми унитазами. Как? Хорошо?

Тетьшура. Хорошо. Ты эти фразы в пьесу вставишь?

Парамошка. Нет, Шурочка, пьес писать я не буду. Это же я дурачусь только, вас развлекаю. А вот в рассказы вставлю обязательно. Из каждой такой фразы можно целый рассказ написать.

Тетьшура. Пиши, Парамошечка, пиши. Хорошо у тебя получается.

Парамошка. Буду писать, буду. Ленишься и пьянствовать не буду, а писать буду. Не грусти, пожалуйста. Я тебе свою первую книжку подарю с автографом. И рассказ напишу «Шура»!

Тетьшура. Спасибо тебе, Саша... Ты хороший...

Из комнаты выходит Нина, запирает дверь. Тетьшура и Парамошка выпивают.

Нина. Можно спускаться. Поехали?

Парамошка. Добро пожаловать, Шурочка, в гламурную жизнь!

Нина. Поехали?

Тетьшура и Парамошка. Поехали!

Существо. Люди...

Тетьшура. Ой, ой, ой... Забыла совсем. Воду же на кухне не закрыли! Закрывать?

Парамошка. Возвращаться не повезет...

Тетьшура. А я поплюю через левое плечо...

Нина. Давайте уже скорей, Антон долго ждет...

Тетьшура. Так закрывать?

Нина. Как хочешь...

Парамошка. Закрывай...

Тетьшура мчится на кухню, крепко затягивает краны. Нина и Парамошка, тем временем, выходят из квартиры. Тетьшура бежит следом, останавливается на пороге, смотрится в карманное зеркальце, крестится, плюет через левое плечо, выходит. Среди манекенов медленно бродит Существо. Из своей комнаты выглядывает Славомир Борисович, выносит молоток, шурупы, отвертки. Не обращая никакого внимания на Существо, прикручивает к туалетным дверям большие щеколды. Относит инструменты, запирает свою дверь, выходит из квартиры. Существо бредет в свою комнату.

И вот тут со сценическим пространством происходит третья, еще не знакомая зрителям, метаморфоза. На наших глазах бесследно исчезают стены, почти все дверные проемы, большая часть мебели. Возможно они, вопреки всем физическим законам, «растворяются» в воздухе, либо же просто поднимаются под колосники. На сцене остаются манекены, сундук, разобранный и приготовленный к переезду мебель, строительный мусор, тюки с вещами, перевязанные веревкой стопки книг, сумки, коробки.

Входит Парамошка, оторопело оглядывает пространство, находит стопку книг, выносит из квартиры. Одна из немногих оставшихся дверей (скорей всего это дверь кладовой) открывается, оттуда выглядывает Тетьшура.

Тетьшура. Я вот похожу тебе сейчас! Я вот тебе похожу! Пошел вон отсюда!

Тетьшура, идет в свою комнату. Вернее в то место, где раньше была ее комната. Долго копается в коробках, находит ведро и тряпку. Идет в то место, где располагалась кухня, наполняет ведро водой, тщательно моет пол. На пороге возникает Парамошка, наблюдает за Тетьшурой.

Тетьшура (поет). Чирик-чик-чик, чирик-чик-чик, всем нужны друзья. Чирик-чик-чик, чирик-чик-чик, даже воробьям...

Парамошка. Чирик-чик-чик!

Тетьшура. Ой! Парамошечка! Слава Богу! А я вот полики тру...

Парамошка (обнимая ее за плечи и усаживая на сундук). Шура, родная, брось ты этот маргышкин труд. Никому теперь в этом доме чистые полы не нужны. Давай-ка, лучше коньячку выпьем. Повод есть преизряднейший!

Тетьшура. Статью сдал?

Парамошка. Нет, Шурочка. Статьйки я больше сдавать не буду. Мало того, я ведь их и писать больше не стану. Хватит с меня этой заказной мерзости. Уволился я из редакции и теперь абсолютно свободный художник!

Тетьшура. А что писать будешь? Пьесы?

Парамошка. Нет. Рассказы, повести, романы... книжки хорошие...

Тетьшура. Хорошо. Молодец. Давай я полики домою? Быстро-быстро. Я ведь все-таки живу здесь. А потом расстегайчиков с тобой поедим свеженьких...

Парамошка. Ничего не понимаю. Во-первых, как тут можно жить? Во-вторых, как тут можно еще и расстегайчики готовить?

Тетьшура. Я приноровилась.

Парамошка. Ты что, действительно здесь живешь?

Тетьшура. Да. Вон там, в кладовке. Стены-то еще не все разломали, и входная дверь пока держится. Правда, не закрывается уже, замок совсем испортился. Так я ее на палку закрываю...

Парамошка. Так, подожди, подожди, подожди. Ты постоянно здесь живешь. Так? А в магазин как ходишь, а на работу?

Тетьшура. Вот когда в магазин хожу, они и воруют тут. Хорошо, что книжки твои все попрятала, а то бы уперли их совсем. Славомировых шмоток мне не жалко, а вот за ваши обидно будет. А с работы меня давно вышвырнули. Как только Хасю вынесли, так и меня уволили. Саша Гаврилыч говорит, что без прописки нельзя. Тебе сейчас книжки отдавать?

Парамошка. Нет, подожди. А кто ворует?

Тетьшура. Да я не видела их никогда. Ходят, когда меня нет. Машину стиральную вынесли, всю посуду расколотили. Сначала думала строители, но они ребята хорошие, добрые. Молоток мне подарили...

Парамошка. Чирик-чик-чик... А молоток тебе зачем?

Тетьшура. Страшно по ночам. Вдруг залезет какой-нибудь пакостник, так я ему молотком по башке тресну. (Продолжает мыть полы.)

Парамошка. Чирик-чик-чик... Тебе же Гаврилыч что-то обещал, общагу какую-то...

Тетьшура. Так он и сейчас обещает, только не вытанцовывается у него ничего. На участке иногда разрешает поработать, убирать же некому. Раньше в дворники все ради жилья шли, коммуналки было много, было куда дворников поселить. А теперь коммуналки расселяются все, и дворников заселять некуда. Да ты за меня не волнуйся, я перекантуюсь немножечко и к Сашку своему перееду. Мы с ним квартиру будем снимать...

Парамошка. Слава Богу! Хоть какой-то просвет в конце тоннеля. Я уж было, хотел тебя к себе забирать...

Тетьшура. К себе это куда?

Парамошка. В вологодскую область, в город Череповец. Уезжаю я, Шура, домой. Хватит. Через три часа поезд.

Тетьшура. Да... Понаделали мы с вами делов, вот нас судьба и раскидывает. (Пауза.) Раньше мне Хасю очень жалко было, а теперь нас. (Пауза.) Парамоша, а это ведь не ты задвижки на туалетные двери приколотил?

Парамошка. Какие задвижки?

Тетьшура. Которые снаружи. Чтобы Хася до воды не добралась...

Парамошка. Ничего я не приколачивал.

Тетьшура. Слава Богу...

Парамошка (демонстрируя бутылку коньяка). Чирик-чик-чик! Рюмку дашь?

Тетьшура. Рюмку дам, а пить не буду. Не обижайся. Я ведь с той зимы так и не пью. (Пауза.) Запутались мы с тобой в этой жизни, Парамошечка. Таковую пакость учудили. Она уже три дня мертвая лежала, а мы всё краны закрывали и еду прятали. Я ведь потом стала ей воду на окне оставлять и пирожки под стол ронять. Как будто бы случайно забыла. Надеялась, глупая, что она найдет. А она уже мертвая лежала. С молодюсек-то какой спрос? А нам прощения не будет...

Парамошка (хлебнув коньяк из горлышка). Не будет...

Тетьшура. У тебя в Череповце дом?

Парамошка. Квартирка мамина в пятиэтажке.

Тетьшура. А у нас с мамой в Качканаре комната была в бараке. Так она за сорок четыре года на заводе квартиру и не заработала. Барак уже снесли. А так бы я тоже поехала.

Парамошка (вынимая из кармана лист бумаги). Вот тебе адрес. Приезжай когда-нибудь.

Тетьшура. Приеду.

Парамошка. А мне тебя как разыскивать? Дай хотя бы телефоны твоего Сашка. (Пауза.) Так мы с ним и не познакомились...

Тетьшура (плачет). Нет у меня никакого Сашка, Парамоша, и не было никогда. Я его специально придумала, чтоб не говорили, мол засиделась в старых девках...

Парамошка. Лучше говорить, в старых девах...

Тетьшура (улыбаясь). А ты все такой же... Все исправляешь меня...

Парамошка. Прости.

Тетьшура. А чего прости? Очень хорошо. Мне нравится. (Убирает ведро, приносит рюмку и тарелку с расстегаями, садится на сундук.) Вот тебе рюмочка. Вот тебе расстегайки. В паровоз с собой возьми. Долго до Череповца ехать?

Парамошка. Меньше суток.

Тетьшура. А я люблю в поездах ездить. Особенно ночью...

Парамошка (глядя на часы). Значит так. Я сейчас сгоняю на вокзал, возьму тебе билет, заскочу к мужикам за вещами, потом вприпрыжку сюда и опять на вокзал. Поедешь ко мне?

Тетьшура (удивленно). Поеду.

Парамошка. Паспорт давай.

Тетьшура идет в кладовую, приносит паспорт.

Тетьшура. Как-то я просто согласилась. А я тебе не помешаю там?

Парамошка. Начинается. Столько лет не мешала, а сейчас возьмешь и помешаешь. Ты мне голову не морочь, паспорт давай. У меня там кухня огромная, диванчик на ней. Квартиранты уже съехали. Так что, Шуручка, добро пожаловать в провинциальную жизнь!

Тетьшура отдает паспорт, находит в одной из коробок вторую рюмку, наливает коньяк.

Тетьшура. Давай, помянем ее.

Парамошка. Давай.

Тетьшура. Спи, Хасечка, спи...

Выпивают. Парамошка обнимает Тетьшуру. Долго сидят обнявшись.

А ведь ее действительно Евгенией Петровной звали. И Саша Гаврилыч все знал. Евгения Петровна Соловьева с самого рождения тут была прописана. Никакая она была не Хася. Это я, дуручка, все напутала...

Парамошка. Ты же ее документы нашла.

Тетьшура. Так это были не ее документы. Жила Хася Пинхусовна в нашей квартире, да померла уж лет двадцать назад. Дружили они с нашей, наверное. Ведь зачем-то она ее пенсионное хранила. А свои бумаги Евгения Петровна в шкатулочке берегла на фортепиано. Старинное такое фортепиано, резное, с подсвечниками. Когда Славомир с Гаврилычем его вытаскивали, сразу шкатулочку и обнаружили. Тут же на меня расслабились, что не ту бумажку им подсунула. Все правильно. Видела же я эту шкатулочку, но не заглянула в нее почему-то. Постеснялась. Все орала про документы и паспорт. Так она мне и принесла документы. Получается, что это я перекрестила Евгению Петровну в Хасю Пинхусовну.

Парамошка. Значит так. Часок-другой у нас есть, собирайся давай. У тебя вещей много?

Тетьшура. Да какие там вещи, покрали все.

Парамошка. Очень хорошо.

Тетьшура. Хорошо.

Парамошка. Молоток не забудь.

Тетьшура. Зачем?

Парамошка. На память.

Тетьшура. Хорошо.

Парамошка. Я с собой тоже только минимум везу. Давай вообще ничего не будем брать из этой жизни. Я вот даже книжки не возьму!

Тетьшура. Какой же ты, все-таки, Парамоша, лоботряс! Я эти книжки столько месяцев прятала-хранила, думала ты мне спасибо скажешь, а ты так вот просто «не будем брать».

Парамошка. Не будем, Шура. Нечего им делать в нашем светлом будущем. Тем более что я все их давно прочитал.

Тетьшура (улыбаясь). Гадина ты, Сашка! Вот ты кто!

Парамошка. Вот и слава Богу! Если мы ругаться взялись, значит дело пошло на поправку!

Тетьшура. Слушай, а как же мы тут все оставим?

Парамошка. А вот так просто и оставим.

Тетьшура. Тут одних славомировых вещей на два грузовика.

Парамошка. Хватит ему и фортепиано. Хотел бы, уж давно бы вывез.

Тетьшура. А манекены антошкины?

Парамошка. А манекены антошкины сами в ужасе разбегутся, когда сюда новые жильцы заселяться станут. Видел я один раз этот жиртрест российского бизнеса, который тут жить собирается. Морда одна килограммчиков на двести. Да и некуда Антошке манекены перевозить. Он сейчас в общаге у наших Сашек живет.

Тетьшура. Почему?

Парамошка. Так развелись они с Нинкой уже давным-давно. Всем нам хашина смерть жизни подкорректировала. Нинка с ребенком в Питере у матери своей живет. Антон упрямо заказы ищет и мастерскую арендовать пытается. Да такую, чтобы в центре, да такую, чтобы жить в ней можно было. Только денег у него на нее нет.

Тетьшура. А мальчишки как?

Парамошка. Александр у нас юноша серьезный, учится-работает. А Саньку из института турнули, что вполне логично. Учится-то он не умеет. По клубам сейчас стрип работает.

Тетьшура. Где работает?

Парамошка. В ночных клубах стриптиз танцует. Доволен до чертиков. Я, кстати говоря, их клубу уже пять статей сбавал. Продюсер радуется как дурак, все про PR кукарекает. И невдомек ему неразумному, что в каждом тексте я такой мощный пистон клубной культуре вставляю. Но если уж быть до конца откровенным, никакая это не журналистика. Заказные поделки чистой воды. Идет обоз с

Парнаса, везет навоз пегаса. Песенка про меня. Но я больше не буду, обещаю...

Тетьшура. Талантливый ты, Сашка...

Парамошка. Все. Ты собирайся, а я побегу. Документы не забудь.

Тетьшура. Паспорт же у тебя...

Парамошка. Ах да... Ну все, побежал. Я скоро.

Тетьшура. Беги.

Парамошка уходит. Тетьшура торопливо собирает небольшую сумку, сверху укладывает в нее пакет с расстегаями. Присаживается на сундук, оглядывает пространство, задумывается.

Тетьшура. Люди...

Подходит к манекенам, начинает их разбирать. Разговаривает с манекенами.

Все, ребяташки, хватит, уезжаем мы отсюда. (Пауза.) Носился утром, – труссы-парусы... Так ведь и не поел... (Пауза.) Сама разоралась и разбудила, дура... (Пауза.) Во дураки. Чего творим? Зачем творим? Эх, парни, парни... Мирно-то нам не живется? Все воевать хочется? (Пауза.) Ой, ладно сочинять-то. Никто тебе спектакль «соплей» назвать не даст... (Пауза.) Вот, обалдуи, глядите. Парень, так парень. И жена у него красавица, и ребеночек миленький, и вон какую красоту себе шьет... (Пауза.) Сели бы вместе за стол, выпили бы чуток, поболтали бы. А то мы все как-то по отдельности видимся... (Пауза.) Вон каким хозяйством носится-трясет... (Пауза.)

Входит Славомир Борисович, в руках у него небольшая стремянка.

Славомир Борисович (удивленно). Здравствуй, Шурочка. Ты чего здесь делаешь?

Тетьшура. О... Славомир приперся... Перся, перся, и приперся. (Пауза.) А я тут пожитки твои охраняю. Разворуют ведь, и даже не посморкаются.

Славомир Борисович. Спасибо конечно, но не нужна мне эта мебель уже. Я ведь ее на дачу хотел отвезти, говоря откровенно, а дачу мы продали. Можешь себе забирать.

Тетьшура. Спасибо. Давно тебя поджидаю...

Славомир Борисович. Зачем?

Тетьшура. Поговорить с тобой хочу о важном и главном. Что-то ты меня совсем позабыл, Славомирище. Разлюбил, что ли? На свиданьица ко мне не ходишь, не звонишь, не пишешь. Может быть, тебе квартира моя новая не понравилась?

Славомир Борисович. Раньше надо было про квартиру думать. Предупреждал же тебя, что опоздать можем. Вот и опоздали, говоря

откровенно. Раньше надо было все сделать, а сейчас уже поздно, не будет никакой квартиры. Говоря откровенно, тебе-то квартира в Москве зачем? Ты свой паспорт открой и посмотри, что там у тебя написано. Наверняка какой-нибудь Кислодрищенск. Вот и вали в свой Кислодрищенск! Что вы все в Москву лезете? Здесь и нормальным людям тесно. А еще и вы. Ни образования, ни профессии. Москва слезам не верит! Говорил же вам, как надо было сделать...

Тетьшура (поднимая руку манекена). Я тебе сейчас сделаю. Лучше поздно, чем никогда. (Пытается ударить Славомира Борисовича.)

Славомир Борисович (убегая). Ты что, совсем обалдела, сволочь?

Тетьшура (ударяя Славомира Борисовича). Я тебе сейчас покажу, кто здесь сволочь!

Славомир Борисович (отбежав на безопасное расстояние). Да ты что, охренела что ли, паскуда? Сейчас в милицию позвоню!

Тетьшура. Очень хорошо! Звони! Я для милиционеров как раз все улики уже собрала. И задвижки твои, и шурупчики, и даже отверточку с отпечатками пальцев. Забыл ее в прошлый раз?

Славомир Борисович. Да успокойся ты! Гаврилыч тебе уже общагу нашел. Слышишь?

Тетьшура (бросая руку в Славомира Борисовича). А на что мне сейчас общага? Мне и в тюрьме хорошо! Особенно с тобой на пару! Звони милиционерам. Звони...

Славомир Борисович. Да успокойся ты! Не буду я никуда звонить. Хочешь, Гаврилыч тебя обратно на работу возьмет? Сейчас придет, и договоримся...

Тетьшура. Я с тобой один раз уже договорилась... (Пауза.) Инглубагла...

Славомир Борисович. Что?

Тетьшура (раскачиваясь на одном месте). Инглубагла. (Пауза.) Ой... (Пауза.) Что-то мне, Славомир Борисович, лихо совсем. Виски стучат. Главное, что и голова-то не болит, а как-то скверно... Фу...

Славомир Борисович. Давай скорую вызовем. Это у тебя, наверное, давление...

Тетьшура (улыбаясь). Скорая помоч! Скорая помоч! Нора заболела! (Пауза.) Псы... Псы... (Пауза.) Псы... (Пауза.) Инглубагла...

Славомир Борисович. Шура, ты чего это? (Пауза.) Шура...

Тетьшура (с трудом выговаривая каждый слог). Ин-глу-баг-ла...

Славомир Борисович (в мобильный телефон). Алло! Алло! (Смотрит на дисплей.) Тьфу ты... Разрядился совсем... Давай с тобой на улицу выйдем...

Тетьшура. Люди... Святые люди...

Славомир Борисович. Шура, пойдем на улицу. Там воздух свеженький. Пойдем?

Тетьшура. Ы... Люди...

Славомир Борисович. Конечно, люди. Голова у тебя болеть перестанет. Пойдем.

Тетьшура (тихо завывая). Огуречик... Ы... Огуречик... Огуречик... Ы... Инглубагла... Люди... Люди...

Славомир Борисович уводит Тетьшуру. Разбросанные по сцене «останки коммуналки» медленно заволакивают клубы светлого тумана. Из бесконечной темной глубины к авансцене, улыбаясь, движется Существо. Ах, как же эта хрупкая старушка походит сейчас на маленькую девочку! Остановившись у рампы, она радостно машет рукой. Под ее ногами расстилается рассветный розовый туман и медленно сползает в зал.

Занавес.

© Сергей Владимирович Платонов (Сергей Платон), автор.

Сергей Владимирович Платонов (литературный псевдоним Сергей Платон) – профессиональный актер, режиссер, педагог. Живет и работает в Екатеринбурге. Учился на отделении актеров театра драмы и кино в Ярославском государственном театральном институте и на режиссерском отделении Театрального института имени Бориса Щукина в Москве. Преподавал практическую режиссуру в Екатеринбургском государственном театральном институте.

Постановщик спектаклей, разработчик многих рекламных проектов. Автор книг «Тонкие повести» («Стеклобой», «Театральные каверзы», «Инглубагла»), «Город Бург», «Черта города», «Рекламная реальность», «Рекламмистика», пьес «Шаркунок», «Существо», «Ремонт часов» (в соавторстве с Марией Улыбышевой), а также сценариев, статей, рассказов, миниатюр.

Финалист Всероссийского драматургического конкурса «Действующие лица», Литературного конкурса «Белый шкаф», «Каверинского литературного конкурса».

E-mail: s-platon@list.ru, sergei_platonov@mail.ru

Сайт: <http://s-platon.ru/>